

ТАТЬЯНА

Устинова

первая среди лучших

Чудны дела
твои, Господи!

Татьяна Устинова
Чудны дела твои, Господи!

© Устинова Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Красная площадь, дом один, – такой адрес был указан на бумажке, и Боголюбов очень веселился, адрес ему нравился. К навигатору решил не обращаться, интересней ехать по бумажке.

Ухая поочередно всеми колесами в самые что ни на есть настоящие, подлинные «миргородские» лужи, Боголюбов объехал двухэтажные торговые ряды – облупившиеся колонны подпирали римский портик, меж колонн бабки в платках продавали семечки, резиновые сапоги, камуфляжные штаны и дымковскую игрушку, носились на велосипедах дети и лежали, свернувшись, ничейные собаки – и покотил по указателю с гордой надписью «Центр». Красная площадь – это, должно быть, самый центр, а как же иначе!..

Дом номер один он увидел сразу – на зеленоватом от времени и плесени жидком штакетнике выделялась новехонькая ядовитосиняя табличка с белой единицей. За штакетником был садик, бедный, весенний, серый, а за садиком угадывался домик. Боголюбов притормозил возле покосившихся ворот и посмотрел в лобовое стекло.

...Ну что же! Начнем?..

Он вышел из машины, сильно хлопнул дверью. Звук резко прозвучал в сонной тишине Красной площади. По древней брусчатке семенили грязные голуби, равнодушно клевали крошки и от резкого звука лениво побежали в разные стороны, но не разлетелись. На той стороне возвышалась старинная церковь с колокольней, серое здание с флагом и памятник Ленину – вождь указывал на что-то рукой. Боголюбов оглянулся посмотреть, на что указывает. Получалось, как раз на дом номер один. Вдоль улицы тянулся ряд двухэтажных домов – первый этаж кирпичный, второй деревянный – и размещался магазин-стекляшка с надписью «Промтовары-кооп».

– Кооп, – сам себе сказал Боголюбов. – Вот так кооп!..

– Здравствуйте! – громко поздоровались совсем рядом.

Из-за штакетника подходил человек в клетчатой рубашке, застегнутой под подбородком. Он издали старательно улыбался

и заранее протягивал руку, как Ленин, и Боголюбов ничего не понял. Человек подошел и потряс рукой перед Боголюбовым. Тот догадался и пожал.

– Иванушкин Александр Игоревич, – представился человек и подбавил несколько ватт в сияние на физиономии. – Выслан встретить, проводить, показать. Оказать помощь, если необходимо. Ответить на вопросы, если возникнут.

– А в доме с флагом что находится? – задал Боголюбов первый из возникших вопросов.

Иванушкин Александр вытянул шею, заглянул за Боголюбова и вдруг удивился:

– А! Там у нас горсовет. Бывшее дворянское собрание. Памятник новый, в восемьдесят пятом году поставили, под самую перестройку, а здание семнадцатого века, классицизм. В двадцатых годах прошлого века там располагался комитет бедноты, так называемый комбед, затем Пролеткульт, а потом уже здание перешло...

– Здорово, – непочтительно перебил Боголюбов. – А озеро в какой стороне?

Иванушкин Александр уважительно покосился на брезентовый горб прицепа – Боголюбов привез с собой лодку – и махнул рукой в ту сторону, где над низкими домами висело красное закатное солнце.

– Озера там, километра три. Да вы проходите, проходите в дом, Андрей Ильич. Или вы сразу на озеро?..

– На озеро я не сразу! – заявил Боголюбов. – Я на озеро потом!..

Он обошел машину, распахнул багажник и за длинные ручки, как за уши, выволок баул. В багажнике находилось еще довольно много баулов – большая часть жизни Андрея Боголюбова осталась в багажнике. Иванушкин подскочил и стал тянуть баул из рук Андрея. Тот не давал.

– Ну что вы, – пыхтел Александр, – как же, я помогу, позвольте.

– Не позволю, – отвечал Боголюбов, не выпуская баула, – я уж как-нибудь своими силами.

Он вышел победителем, захлопнул багажник, оказался нос к носу с существом в темных одеяниях и от неожиданности подался назад, пришлось даже взяться рукой за теплый бок машины. Существо строго, не моргая глядело на него как будто из черной рамы.

– Зачем пришла? – напряженным голосом пробормотал рядом Александр Иванушкин. – Уходи!

– Подайте на бедность сироткам, – отчетливо выговорила убогая в черных одеждах. – Ради Христа.

Боголюбов полез в передний карман, где обычно болталась мелочь.

– Мало подал, – презрительно сказала убогая, приняв в холодную ладонь монетки. – Еще давай.

– Уходи, кому говорю!..

Боголюбов оглянулся на Иванушкина. Тот почему-то стал бледен, как будто перепуган, хотя ничего особенного не происходило.

– Уезжай отсюда, – велела кликуша, когда Боголюбов сунул ей бумажку – полтинник. – Нечего тебе тут делать.

– Я сам разберусь, – пробормотал Андрей Ильич, закидывая за плечо баул.

– Беда будет, – пообещала убогая.

– Уходи! – почти крикнул Иванушкин. – Еще каркает тут!..

– Быть беде, – повторила убогая. – Собака выла. Смерть кликала.

– Жил-был у бабушки серенький козлик, – пропел Андрей Ильич на мотив «Сердце красавицы склонно к измене», – жил-был у бабушки серый козел!

– Вы не обращайтесь внимания, Андрей Ильич, – чуть задыхаясь, говорил сзади Александр Иванушкин, пока они шли к дому по мокрой дорожке, засыпанной прелыми прошлогодними листьями, – она ненормальная. Все какие-то беды пророчит, несчастья, хотя это и понятно, она сама человек несчастный, ее можно простить.

Боголюбов сделал оборот, едва не задев баулом по носу взволнованного собеседника.

– Да кто она-то?..

– Матушка Ефросинья. Это мы ее так зовем, хотя монашеского звания она не имеет, так, убогая просто. Ради Христа ходит просит, вот живет, не гонит ее никто, и вы не обращайтесь внимания...

– Я не обращаю. Это вы чего-то переживаете!..

– Да как же! Вы мое новое начальство, директор музея-заповедника, большая величина, я вам все условия создать должен...

Загремело какое-то железо, как будто протащила цепь, и прямо под ноги Боголюбову выкатилась мерзкая грязная собака с оскаленной пастью, всхрипнула и отчаянно забрехала, припадая на передние лапы. Боголюбов, не ожидавший ничего подобного, оступился, тяжеленный баул поехал, накренился, и Андрей Ильич, новый директор музея-заповедника и большая шишка, брякнулся в грязь прямо перед носом бесновавшейся собаки. Она захлебнулась лаем и стала рваться с цепи с утроенной силой.

– Андрей Ильич, ах, как нескладно! Давайте, давайте, вставайте! Вы не ушиблись? Да что ж такое-то?! Пошла вон отсюда! Место! Иди на место, кому говорю! Держитесь за руку, Андрей Ильич!

Боголюбов оттолкнул руку Иванушкина, кряхтя, поднялся из жидкой грязи. Баул валялся в луже. Собака билась в истерике прямо перед ним.

– Утопить бы ее, да некому. Хотели, чтоб ветеринар усыпил, а он говорит, что без разрешения хозяев усыплять не имеет права, вот, Господи помилуй, незадача какая!..

– Так, все, – распорядился Боголюбов, – хватит. Вода в доме есть?

Руки, джинсы, локти – все было в черной смачной грязи. Жил-был у бабушки серенький козлик!..

– Вода, – бормотал сзади Александр Иванушкин, поднимаясь следом за Боголюбовым на крыльцо, – вода у нас есть, насос качает, и колонка есть, греет, так что... Вы меня извините, Андрей Ильич, за недосмотр, что ты будешь делать...

Боголюбов одну за другой толкнул белые крашенные двери и вошел в тихий полумрак, пахнувший чужой жизнью и старым

деревом. Помедлил и один о другой стащил ботинки – полы были устланы чистыми половиками.

– Ванна в кухне, – продолжал сзади Иванушкин Александр, – там и колонка, и раковина. А туалетик дальше по коридору, вон последняя дверь, только крючок приладить надо, я не успел.

– Туалетик, – повторил Андрей Ильич и стал расстегивать и стаскивать джинсы прямо посреди коридора. – Как вы думаете, Александр, нам удастся отстоять мои вещи? Или чудовище уволокло их в свою пещеру?..

Новый подчиненный вздохнул.

– Она под крыльцом живет, – сказал он и отвел глаза, – привязали, когда директор слег. Он, бедолага, не сразу помер, лежал месяца три. А она никого к себе не подпускает! Бывало, срывалась, убегала, но потом приходила, ее опять привязывали. Еду туда, под крыльцо, кидаем. Усыпить бы ее верное дело, а еще лучше пристрелить. У вас ружья нет?..

Иванушкин помедлил и загрохотал башмаками по крашеным полам – отправился спасать вещи нового начальника. Боголюбов стащил джинсы и, неся их в отставленной руке, вошел в тесную кухоньку. Здесь были круглый стол, покрытый клеенкой, несколько жестких стульев, мрачный буфет с оторванной дверцей, щербатая раковина, плита времен Очакова и покоренья Крыма, длинная узкая латунная ванна с двумя краниками и газовая колонка на стене.

Андрей Ильич швырнул джинсы в ванну, повернул краник – внутри дома что-то засипело, поднатужилось, захрюкало. Долгое время ничего не происходило, а потом из краника полилась вода.

– И на том спасибо, – пробормотал Андрей Ильич и стал энергично намыливать руки куском розового земляничного мыла, пристроенного на край ванны.

В конце концов, это даже забавно. Козлик начинает новую жизнь на новом месте. Нет, нет, не козлик, а целый козел. Жил-был у бабушки серый козел!..

Александр Иванушкин втащил баул – с одного боку тот совершенно промок – и завздохал.

– Что вы сопите? – осведомился Боголюбов, выуживая из баула чистые джинсы. – Лучше расскажите, как обстоят дела во вверенном мне музейном учреждении!

– Закрывать нас приехали? – спросил Александр бодряческим тоном. – Или перепрофилировать?.. В городе идут разговоры, что музей закрывают. А к нам не только школьники и пенсионеры, к нам научные работники со всей страны едут, иностранцы тоже. Мы тематические программы, лекции проводим, наш музей – центр культурной жизни всей области, так сказать.

Боголюбов, натянув джинсы, сдернул с круглого стола клеенку, скатал ее в огромный бесформенный ком и поискал глазами, куда бы выбросить. Не нашел и сунул на стул, за плиту. Александр проводил ком глазами.

– В этом доме старый директор жил, – выговорил он с тоской. – Пока не умер.

– Пока не умер, жил, – повторил Боголюбов. – Это логично.

– Мы ведь думали, Анну Львовну назначат, а оказалось, по-другому решили. Вас назначили. В Москве видней, конечно.

– Конечно, – согласился Андрей Ильич. – Высоко сижу, далеко гляжу.

– Анна Львовна в возрасте, естественно, но специалист большой, всю жизнь в нашем музее проработала. Вам бы с ней поговорить, Андрей Ильич. Так сказать, для начала, для вхождения в курс. А то ведь поздно будет...

– Почему поздно? – рассеянно спросил Боголюбов, прикидывая, когда именно стирать джинсы – прямо сейчас или подождать, пока Иванушкин перестанет окружать его заботой и вниманием.

Александр вздохнул так, что широченные плечи, стиснутые клетчатой рубашкой, поднялись и опустились.

– Уезжает Анна Львовна, – горестно поведал он. – К сыну в Кисловодск. Хотела еще до вашего приезда, да мы уговорили

задержаться... Как узнала, что новый директор из Москвы назначен, так и стала собираться. Она же на пенсии давно, заслуженный работник культуры, человек уважаемый. А с ней так... поступили.

– Ну, если вы намекаете, что я подсел уважаемую Анну Львовну, – сказал Боголюбов, так окончательно и не решив про штаны, – то не старайтесь особенно. Я ее не подсиживал.

– Что вы, что вы, – перепугался Александр, – как можно! Я и сам тут человек новый, только три месяца как, просто мы не ожидали вашего назначения.

– Я сам не ожидал, – признался Андрей Ильич. – А что делать?..

– Фу-ты, – сказал Александр и расстегнул и опять застегнул пуговку на тесном воротнике. – Как нескладно-то...

– И не говорите, – согласился Боголюбов.

Большими шагами он обошел три тесные комнатки. Одну из них почти целиком занимала пышнотелая кровать с никелированными шишечками и горой подушек, на подушки наброшено связанное крючком покрывальце. В другой были письменный стол под зеленым сукном, окно, выходившее в бедный и голый вечерний сад, книжные шкафы с мутными волнистыми стеклами без единой книги и пара пыльных диванов, а в третьей стол, не круглый, а овальный, пустая посудная горка, какие-то портреты в рамах, еще один продавленный диван и несколько колченогих стульев. Из коридора узкая лестенка вела на второй этаж.

– Наверху холодная и чердак, – проинформировал Александр Иванушкин. – Старый директор в холодной мастерскую устроил. Он живопись очень любил и астрономию тоже. А наверху как раз света много!.. Он там и картины свои писал, и телескоп держал.

– Телеско-оп? – удивился Андрей Ильич. – А вы раньше где работали?..

– В Ясной Поляне, – быстро ответил Иванушкин. – Научным сотрудником. Сюда с повышением пришел, заместителем директора. То есть вашим заместителем.

– Ясная Поляна – место известное. Я бы даже сказал, знаковое, – пробормотал Боголюбов. – Не скучно вам здесь? Все же масштабы другие.

– Мне не скучно, – ответил Иванушкин с некоторым вызовом. – У нас вообще не скучно, Андрей Ильич. Наверное, после Москвы так не кажется, привыкнуть надо, но человек думающий всегда и везде найдет себе подходящее занятие и возможность продолжать научную работу. Я с Лондонской национальной галереей состою в постоянной переписке, к лету ждем оттуда коллег, которые европейскую живопись девятнадцатого века изучают. У нас отличная коллекция, все в полном порядке!.. Такой коллекцией, как наша, не всякий столичный музей может похвастаться.

– Здорово, – оценил Боголюбов. – А где еды купить?.. Или вы только духовную пищу принимаете?

– Почему, не только духовную... – Александр потянул себя за клетчатые манжеты. – У нас, как везде, супермаркет есть большой, прямо напротив, за горсоветом. Называется «Мини-маркет «Лужок». Рынок есть, но сейчас уже закрыт, конечно. Другие магазины всякие. Рядом с вами булочная, называется «Калачная № 3», прямо здесь, на Красной площади, а дальше «Мясо-рыба». Модест Петрович ресторан держит для туристов, трактир «Монпансье» называется, тоже тут рядом, по правую руку. Вкусно, но дорого очень. Теперь всех на старину тянет, особенно столичных жителей. Очень им нравятся трактиры, калачные! У нас гостиница, и та – «Меблированные комнаты мещанки Зыковой»!

– А что? Хорошо придумано.

– Так закрывать нас приехали или только перепрофилировать?..

Боголюбов, которому надоел заместитель с его заискивающим видом и нелепой клетчатой рубашкой, объявил, что музей как пить дать будет перепрофилирован в развлекательный комплекс, а территория поделена между лечебницей для наркоманов и стрельбищем, а он, Александр Иванушкин, возглавит направление по работе с трудными подростками.

Александр моргнул.

– Спасибо большое, – сказал Андрей Ильич. – За теплый прием, за любовь, за ласку! Завтра часов в десять заходите за мной. Отправимся на рабочее место, посмотрим, что нужно сделать в плане будущего пейнтбола. А сейчас – прошу прощения. Мне бы вещи разобрать.

Гость – или, наоборот, хозяин?.. – закивал и поспешно ретировался. Между старыми яблонями мелькнула клетчатая рубашка и пропала за штакетником.

Андрей Ильич перетаскал из машины вещи, простирнул в тазу джинсы. Затем вышел из дома. Мерзкая собака кинулась ему под ноги, давась и захлебываясь лаем. Цепь не пускала ее, но Боголюбов все же шарахнулся в сторону и опять чуть не упал.

Он подошел к машине и не поверил своим глазам. Правая передняя крышка была порезана, отчего казалось, что машина внезапно охромела на одну ногу. Из резинового обода торчал нож, припиливший грязный лист бумаги. Боголюбов присел и посмотрел.

«Убирайся, пока не поздно», – было накалякано черным маркером.

Боголюбов с трудом вытащил нож, скомкал бумагу и огляделся.

Никого не было на площади, только в отдалении мужик катил тачку, громыхавшую по древнему бульжнику, и длинная фигура в черных одеждах крошила из пакета хлеб совавшимся голубям.

В трактире «Монпансье» было как у Андрея Ильича в доме – крашенные полы, чистые половики, на окнах горшки с геранью, на скатертях оборочки, связанные крючком, – и народу никого, только музыка играла громко. По плоскому телевизионному экрану скакала фиолетовая силиконовая блондинка.

В центре накрыт длинный стол – посередине букет и композиция из бананов и ананаса.

Андрей Ильич вздохнул, сел у окна, потрогал герань и понюхал ладонь – до чего вонючий цветок, невозможно!.. Хозяйственные дела – и вообще дела! – на сегодня закончены: он добрался до «места назначения», познакомился с заместителем, свалился в лужу, «заселился», получил предложение убраться вон, простирнул штаны, перетаскал из машины вещи. Теперь ему хотелось поесть и выпить. Он еще понюхал ладонь. Запах герани напоминал детство и болезнь под названием «свинка». Бабушка всегда подкладывала в компресс листы герани: почему-то считалось, что они «лечат».

За стойкой произошло какое-то движение, мелькнул свет, открылась и закрылась дверь. Боголюбов ждал. Из-за стойки выскочил бойкий молодой человек, причесанный на пробор, с кожаной папкой в руках и в длинном белом фартуке. Папку он держал перед собой, как щит.

– Добрый вечер! – выпалил молодой человек. – Мы закрыты на спецобслуживание, там на двери табличка.

– Поужинать дадите?

Официант загородился папкой.

– Мы закрыты, – повторил он. – На двери висит табличка. У нас сегодня большой банкет.

– Мне бы горячего чего-нибудь. Скажем, супу. Есть солянка? Ну и мяса, что ли. И кофе сразу. У вас кофемашина варит, или вы своими силами справляетесь?.. Если своими силами, тогда лучше чаю.

Официант затосковал.

– Спецобслуживание у нас, – повторил он. – Вы что? Не понимаете?.. Я сейчас.

И ринулся за стойку.

– Потихе звук сделайте! – вслед ему крикнул Боголюбов. – А лучше совсем выключите!

Фиолетовую блондинку на экране сменил изможденный брюнет и надал про любовь. Рядом с боголюбовским столом неслышно

материализовался большой серый кот, уселся посреди половика, подумал и стал умываться. Вид у него был заспанный.

Боголюбов, которому надоело ждать, когда на кухне закончится совещание, встал и подошел к разорявшемуся телевизору. Как же его выключить, а?.. Из розетки, что ли, выдернуть?..

– Добрый вечер, – выговорил сочный бас. Боголюбов заглянул за панель в поисках розетки. – Мы в нашем трактире всегда рады гостям, но сегодня, к сожалению, не можем вас угостить! У нас мероприятие...

Розетка оказалась высоко. Боголюбов, придерживая пластмассовый угол, потянулся и выдернул штепсель. Экран погас, песнопения прекратились.

– Вот как прекрасно, – в наступившей тишине пробормотал Андрей Ильич и вылез из-за телевизионной панели.

Обладатель сочного баса оказался крепким седым мужиком, одетым в черный залоснившийся костюм и почему-то в галоши. На носу нелепо торчали очки. Давешний молодой человек маячил у него за плечом.

– Здравствуйте, – поздоровался Боголюбов. – До чего я эту музыку не люблю! Вот не люблю, и все тут!..

– Многие гости любят, – ответил мужик, рассматривая его. – Как же в ресторане без музыки?..

– Модест Петрович, – душевно произнес Андрей Ильич, – вы мне дайте поужинать, и дело с концом. На банкет и спецобслуживание я не претендую. Есть очень хочется!.. И выпить бы неплохо тоже. А «Калачная № 3» на замке. Что нам делать?

– Вот так даже, – задумчиво протянул мужик. – А вы, значит, кем будете?..

– Я буду директором музея, – сообщил Боголюбов. – Да я уже, собственно, и есть директор!.. Ваш сосед, проживаю по адресу Красная площадь, дом один!..

– Я даже не видел, как он зашел, – сунулся официант.

– А Слава где? – не поворачивая головы, спросил Модест Петрович, и официант сорвался и куда-то побежал, видимо, искать Славу, проглядевшего Боголюбова. – А вы проходите, присаживайтесь! Конечно, покормим, раз такое дело. Давно приехали?..

– Сегодня и приехал.

– Так это ваша машина с лодкой на прицепе?

– Моя, – признался Боголюбов, обошел кота и уселся на прежнее место под геранью.

– Рыбак? Охотник?

Андрей Ильич покивал – и рыбак, и охотник.

– А... откуда имя мое знаете?

– Разведка донесла, Модест Петрович!..

– А вас как именовать прикажете?

Андрей Ильич назвался. Несмотря на все странности и неприятности сегодняшнего дня, у него было хорошее настроение. Самое главное – начать. Он долго готовился, собирался, примеривался, зная, что дело его ждет трудное. Сегодня трудности начались, и это очень хорошо. Раз начались, значит, дальше они пойдут к концу, обратного хода нет. Пойдут, пойдут и когда-нибудь кончатся!..

– Мне бы супу горячего, – попросил Боголюбов. – Мяса жареного. И водки... сто пятьдесят.

– Может, двести? – усомнился Модест Петрович.

Андрей Ильич засмеялся.

– Двести, Модест Петрович, это к приключениям! А мне на сон грядущий.

Модест кивнул, принимая объяснение, повернул и подтолкнул официанта, вознамерившегося положить перед клиентом папку, ушел за стойку и вернулся со штофом зеленого стекла, двумя стопками и тарелкой, на которой было разложено розовое сало.

– Позвольте угостить нового директора. – Он водрузил на скатерть тарелку и ловко разлил по стопкам водку. – Ну, с приездом и для

аппетита!

Они чокнулись и синхронно опрокинули.

– Закусить, закусить, Андрей Ильич! Мы сальце сами солим, к нам за ним из Москвы едут!

Боголюбов закусил.

– За что же в столице такое к нам неуважение и недоверие оказывают?..

– В каком смысле?

– Да вот... вас прислали! Вы ведь небось человек занятой, к столичной жизни привычный! А у нас тут тишина, скука. Неторопливость наблюдается. Неловко вам здесь будет. Да и вникнуть надо. А Анна Львовна тридцать лет музей содержит так, что любо-дорого, в иностранных путеводителях он обозначен! И такое к ней нерасположение вдруг проявилось! Она ведь и при покойном директоре все сама, все сама. До всего доходила, во все дела вникала!..

Боголюбов подцепил с тарелки еще кусок.

– Вкусное у вас сало.

– Стараемся. Да вы кушайте, кушайте!.. Костик, поторопи там соляночку!.. Чтоб огненная была!.. У нас ведь какие слухи ходят? У нас поговаривают, что не просто так из столицы человека присылают, а за каким-то надом!.. Стало быть, музею нашему теперь крышка.

– Почему? – удивился Боголюбов.

...На самом деле это интересно, что хозяин ресторана «для туристов» так широко осведомлен о жизни музея! Болеет, можно сказать, за музейное дело!

– Так говорят, – уклончиво ответил Модест Петрович. – А вы ведь с Анной Львовной незнакомы?

Боголюбов отрицательно покачал головой.

– Так сейчас и познакомитесь!.. – Андрей Ильич перестал жевать и воззрился на собеседника. – Все, все у нас будут, и Анна Львовна, и Ниночка, и Дмитрий Павлович, и Александр Игоревич, все

музейные!.. И сам Сперанский обещался! Банкетик-то как раз для них формируем. Провожаем, так сказать, Анну Львовну на заслуженный отдых, уезжает она от нас. Вы к нам, а она от нас, вот как получается.

...Вот это совсем не дело. Знакомиться с сотрудниками в трактире «Монпансье» в планы Боголюбова не входило. Нужно быстро поесть и убраться восвояси. А то еще Анна Львовна взволнуется!..

– Модест Петрович, – душевно попросил Боголюбов, – ну что я буду портить людям праздник и застолье! Вы мне поесть дайте, и я пойду вещи разбирать.

– Как же так? Знакомиться не хотите?! Не по-людски как-то получается.

Андрей Ильич, разумеется, предполагал познакомиться, но... на своей территории и на своих условиях. Он должен оценить каждого сотрудника правильно, как известно, первое впечатление почти всегда самое верное. Боголюбов знал, что никто из них не ожидал его назначения, и прежде всего он должен посмотреть, как они станут на него реагировать – на работе, в кабинете, где угодно, только не в трактире!.. Да и водки он уже тяпнул и теперь чувствовал, как налились жаркой краснотой щеки и уши. От водки у него всегда делался вид на манер Петрушки из детской книжки!

Официант принес глиняный горшочек, накрытый сверху ломтем черного хлеба, и трепетно поставил перед Боголюбовым. Модест Петрович поднялся.

– Ну, приятного аппетита!.. Соляночка у нас знатная, специально из Москвы едут на нашу солянку... Да вот и первые гости. Дмитрий Павлович, дорогой, проходите, заждались!..

Андрей Ильич снял с горшочка хлеб, понюхал сначала ломоть, потом солянку. Посолил и поперчил. Поворачиваться ему не хотелось, и вдруг стало так неловко, что взмокла шея. Он уткнулся в горшочек и стал хлебать огненный суп. За спиной у него происходило какое-то движение, отодвигались стулья, раздавались громкие голоса:

– Сюда, сюда, здесь не дует!.. Анна Львовна, может, вам креслице? Нинуль, смотри, какой букетик прекрасный! Поближе, поближе!.. А жюльен будет? Так люблю жюльен!.. Все, все будет!..

Боголюбов ел. Кот, которому надоел шум, презрительно дернул ушами и мягко вспрыгнул на стул напротив Андрея Ильича. Тот скорчил ему рожу.

Модест Петрович загудел приглушенным басом – бу-бу-бу, – и Боголюбов понял, что вот-вот начнется. Говорят про него, сейчас кто-нибудь подойдет. И рассердился.

Он положил ложку, еще посмотрел на кота, поднялся и повернулся.

– Добрый вечер, – громко и весело поприветствовал он компанию за столом. Разговоры вмиг смолкли. Модест Петрович отодвинул губы от уха представительного молодого мужчины, перестал гудеть и уставился на него. – Меня зовут Андрей Ильич Боголюбов!.. Я назначен новым директором музея изобразительных искусств и всего музейного комплекса, так сказать, в целом!.. Я ни в чем не виноват, меня министр культуры назначил. Хотя можно успеть подсыпать мне в солянку толченого стекла, я еще не всю доел.

И поклонился. За столом молчали.

– Остроумно, – произнесла наконец дама, судя во всему, оскорбленная его назначением Анна Львовна. – Присоединяйтесь к нам. Никто не возражает?

– Конечно, нет, Анна Львовна!

Молодой мужчина поднялся – он был высокий, широкоплечий, с приятным русским лицом, – и пошел в обход стола к Боголюбову.

– Дмитрий Саутин, бизнесмен, занимаюсь тут делами понемногу...

– Дмитрий Павлович очень помогает музею, – сказали из-за стола. – И в администрации за нас заступается, и праздники устраивает, и книжки за свой счет печатает.

Они сошлись на середине зала и пожали друг другу руки.

– Давайте, давайте к нам! Ловкий ты человек, Модест Петрович, вот какую нам встречу организовал в неформальной обстановке!..

И здесь успел.

– Да я тут при чем?.. Он сам пришел, поесть попросил...

– Добрый вечер, – пробормотал Александр Иванушкин и проверил, надежно ли застегнут ворот его клетчатой рубашки.

– Да мы уже виделись.

– Мы днем виделись, а теперь вечер...

И тут заговорили все разом:

– Дамам шампанского подать?.. Полусладкое есть, хорошее.

– Давай, давай, Модест Петрович! Что протоколом предусмотрено, все неси!..

– Анна Львовна, ангел-хранитель нашего музея, бесценный человек, великий знаток своего дела. В Европе ее знают и с ней считаются.

– Хватит болтать, Дима.

– Так ведь это чистая правда, Анна Львовна!..

...Странное дело. Боголюбов представлял себе бывшую и. о. директора музея совершенно другой. Он представлял запыленную музейную тетку в шали, захватанных очках и с кукишем бедных волос, из которого во все стороны лезут шпильки. Еще виделась ему почему-то кофта, непременно зеленая и непременно с подвернутыми рукавами, и клетчатая юбчонка. Анна Львовна оказалась совсем не старой, представительной полной дамой в шелковых свободных одеждах. Иссиня-черные волосы собраны в хвост, глаза густо подведены синим, а губы алым. На Боголюбова она смотрела оценивающе и как будто с насмешкой. В ней чувствовались сила и спокойная уверенность. Это она принимала сейчас Боголюбова с его новым назначением, а не он Анну Львовну с ее только что свершившейся отставкой.

Она протянула руку, как для поцелуя. Он аккуратно пожал ладонь и отпустил. Она слегка усмехнулась:

– Надеюсь, что под вашим руководством музей будет процветать по-прежнему.

– А он процветает? – не удержался Боголюбов.

– Да, – резко ответила девушка, так же мало похожая на музейного работника, как и Анна Львовна, – представьте себе!.. Если вам не придет в голову на самом деле им руководить, он продолжит процветать.

– Нина!..

– Анна Львовна, я не святая! Мне кажется, после всего, что произошло, навязываться к нам в компанию – неприлично.

– Ниночка, – то ли попросил, то ли приказал Дмитрий Саутин, помощник во всех музейных делах и радетель за все начинания. – Не спеши. Человек первый раз нас видит, еще подумает невесть что!..

– Мне все равно, пусть думает что хочет. Если он не понимает, я уйду.

– Нина – научный сотрудник и один из лучших экскурсоводов, – отрекомендовал Дмитрий.

– Извините ее, Андрей Ильич, – сказала Анна Львовна, которую, казалось, забавляла эта сцена. – Она всего лишь равнодушна. Равнодушным людям живется легче, правда? Мы все были несколько обескуражены вашим назначением и таким скорым... прибытием.

Боголюбов, решивший было во что бы то ни стало уйти, и черт с ними, с недопитой водкой и несъеденным мясом, выдвинул из-за стола стул и основательно уселся. Уйти сейчас – значит признать свое поражение. Завтра в кабинете придется начинать не на пустом месте, а выбираться из ямы, в которую его вот-вот загонят.

Из ямы начинать ему не хотелось.

– Ну, Александр Игоревич вас сегодня встречал, вы уже познакомились, – продолжал представление сотрудников музея Дмитрий Саутин.

...Почему представляет он, а не Анна Львовна? Потому что он главнее? Потому что бизнесмен и дает деньги на самиздат?

– Асенька тоже экскурсовод, и тоже отличный!.. Очень хорошо работает с детьми. Да, Асенька?..

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Она как раз похожа на экскурсовода из провинциального музея, оценил Боголюбов, в отличие от яркой глазастой Нины. Серые волосы, серое личико, серый жакетик, на остреньком носике старомодные очки. Она сидела на краешке стула, сложив на коленях руки, совершенно безучастно. Разговоры, передвижения, перемещения вокруг стола как будто не касались ее, обтекали со всех сторон.

Боголюбов отвел взгляд и еще раз посмотрел. Она застыла, как мумия.

– Ну а это наши аспиранты! Музей на самом деле ведет серьезную научную работу, Андрей Ильич!.. Митя из Питера, помогает с реставрацией некоторых полотен, а Настя москвичка, как и вы!.. Пишет диссертацию по древнерусскому искусству.

– Здравствуйте, – сказал Митя из Питера. Он что-то жевал, глаза у него были веселые. – А вы раньше где работали? По строительной части проходили или по банному тресту?

Анна Львовна засмеялась и погрозила ему пальцем. Митя, поняв, что угодил, выудил из салата огурец и захрустел победительно.

Настя протянула Боголюбову руку и энергично потрянула его ладонь.

– Морозова, – представилась она. – Коллекция древнерусской иконописи здесь не слишком большая, но значимая. Я очень благодарна Дмитрию Павловичу за идею сделать работу именно на местном материале. В Москве об этой коллекции мало знают, а не упоминает вообще никто! Вот Дмитрий Павлович и подсказал...

И она посмотрела на Саутина то ли с обожанием, то ли с благодарностью, Боголюбов не разобрал хорошенько.

Официант с пробором расставлял на столе жестяные тарелки с желтым содержимым. Боголюбов вспомнил, что тарелки называются «колотницы», а содержимое «жюльен». Жюльен в колотнице в трактире «Монпансье» весенним вечером в самой что ни на есть русской провинции – красота!..

– Есть еще истопник Василий, он же сторож, – продолжала Анна Львовна. – Он тоже был приглашен на пир, но на радостях заранее запил. Еще, не дай боже, явится.

– Не волнуйтесь, Анна Львовна, – подал голос Александр Иванушкин. – Я к нему заходил. Спит он и проспится еще не скоро.

– Ну, – провозгласил Дмитрий Саутин, приноровился, взял стопку, и все разом зашевелились и встали, как по команде. Боголюбов от неожиданности остался сидеть. – Предлагаю первый тост за нашу драгоценную, несравненную Анну Львовну!.. Ее животворными усилиями питается родник здешней культурной жизни.

Анна Львовна светло улыбалась. Нина, не похожая на музейную работницу, сверлила Боголюбова глазами, метала огненные молнии. Александр Иванушкин сделал торжественное лицо. Студенты-аспиранты застыли в почтительности. Модест Петрович стоял по стойке «смирно», наклонив голову, как маршал Буденный во время речи Сталина на банкете. Асенька смотрела в скатерть.

– Наш музей без преувеличения – центр культурной жизни не только города, но и всего района. Усилиями Анны Львовны интерес к истории прививается и молодежи. Андрей Ильич, – обратился к нему Саутин, – я предлагаю за здоровье Анны Львовны выпить стоя!

Боголюбов моргнул и поднялся.

– А-а-а! – закричали от двери. – Ага-а-а!..

Асенька ни с того ни с сего уронила бокал с шампанским. Он зазвенел между тарелками, покатился, но не разбился. Александр Иванушкин оглянулся в изумлении. Модест Петрович пробормотал:

– Что такое?.. – и стал выбираться из-за стола.

Боголюбов вздохнул и одним глотком опрокинул в себя стопку.

– Без меня хотели?! Надеялись, не приду?! А вот фигу с маслом!.. Вы еще до рта не успели донести, а я уже тут! – продолжали бушевать у двери.

– Алеша, – растроганно сказала Анна Львовна, – Алешенька, дорогой!..

Дорогой Алешенька оказался дородным мужчиной в светлом плаще, шляпе и серой пиджачной паре. Раскинув огромные руки и чуть пританцовывая, он двинулся к Анне Львовне, сошелся с ней возле стола и облобызал троекратно, а потом еще приложился к ручке и замер в поклоне надолго. Все собравшиеся – сотрудники Андрея Ильича – любовались на них, у всех были умильные лица.

– Сперанский, – шепнул Боголюбову Модест, – сам!.. Обещал быть, и вот, видите, не обманул.

Андрей Ильич понятия не имел, кто такой «сам Сперанский», но на всякий случай тоже сделал умильное лицо.

В этот момент больше всего на свете ему хотелось оказаться в домике из трех комнаток по ту сторону Красной площади. Пусть даже чудовище из-под крыльца хрипит и кидается – все лучше, чем представление, в котором он вынужден участвовать!..

– Алексей Степанович, вот радость! Мы и не надеялись!

– А я не с пустыми руками!.. Эй, как тебя звать? Костик, что ли? Костик, подай-ка там сверточек!..

Модест Петрович кинулся, оттеснил Костика и сам подал «сверточек» – по виду картину, упакованную в коричневую бумагу и перевязанную шпагатом. Вся компания воззрилась на коричневый прямоугольник в некоем, почти религиозном предвкушении.

Боголюбов пожал плечами, подцепил вилкой кусок сала, пристроил на хлеб и откусил.

– Ну, молодежь!.. Помогайте, помогайте!..

С картины вмиг была снята бумага, новый гость взялся за раму с двух сторон и водрузил полотно на свободный стул прямо перед Анной Львовной.

Та сложила под подбородком пухлые руки и замерла. Все, кроме Боголюбова, который все откусывал от хлеба с салом, жевал и смотрел на кота и на герань, сгрудились у нее за спиной и замерли.

– Господи, – выговорила Анна Львовна, похоже, в экстазе. – Алешенька, угодил, вот угодил!

Словно получив разрешение, сотрудники Андрея Ильича разом задвигались и заговорили:

– Боже мой!.. Нина, посмотри! Александр, вы видите, видите?.. Как, неужели сам?! Да вы отсюда посмотрите, как свет падает!.. Алексей Степанович, вы не понимаете, какой это подарок!

– Модест Петрович, – попросила Анна Львовна в изнеможении от переживаний, – дай мне воды.

– Сию секунду, Анна Львовна!.. Может, капелек накапать?..

– У нее сердце очень больное, – шепнул Боголюбову Иванушкин, выбравшись из круга восторгавшихся. – Никаких волнений, ничего нельзя!.. Только положительные эмоции.

– А сейчас какие? Положительные или отрицательные? – уточнил Андрей Ильич. Александр странно на него взглянул.

– Алешенька, за что мне такое внимание? Вот спасибо тебе, дорогой мой, вот спасибо!.. Знаешь ведь, как мне угодить!..

– Это что, сам Сперанский картину написал? Специально для Анны Львовны? – на ухо спросил у Александра Боголюбов.

– Да что вы!.. Алексей Степанович Сперанский – знаменитый писатель!.. Он книги пишет, а не картины!..

Боголюбов окончательно запутался.

– А чья тогда картина?..

– Как чья?! Его отца, Степана Васильевича Сперанского. Он был превосходный художник, неоцененный, конечно! Анна Львовна гоняется за его работами. Просто гоняется!.. У нее особое чутье, она умеет художника разглядеть, хоть бы и не признанного! И поддержать умеет. А работы его только в коллекции его сына и нашего музея сохранились...

Боголюбов никогда ничего не слышал о превосходном художнике Сперанском, как и о его сыне, знаменитом писателе, и устыдился своего невежества.

– К столу, к столу!..

– Модест Петрович, еще бокальчик, Асенька свой уронила.

– Костик, подай бокальчик и прибери, видишь, в тарелке лужа!..

– Алешенька, ко мне поближе садись.

– Мы еще за Анну Львовну не выпили!..

Все разом вернулись за стол – одно место было занято портретом, и Боголюбову казалось, что теперь напротив него сидит крепкий бородатый старик с косой на правом плече. Бизнесмен Дмитрий Саутин договорил речь. Писатель Алешенька во время речи похохатывал и поглаживал руку Анны Львовны, и вообще главным теперь был он, и, казалось, все это понимают. На Андрея Ильича он не обращал никакого внимания, как будто не было за столом никакого Боголюбова.

Некоторое время все шумно ели и пили, вспоминали зиму, гулянье на Рождество, какую-то медовуху в монастыре, лошадь Звездочку, опрокинувшую сани, и необыкновенную выставку, которую Анна Львовна «пробила» и организовала великолепно.

Боголюбов доел остывшую солянку, налил себе еще водки, тяпнул и огляделся с тоской. Его приятель-кот устроился спать на подоконнике под геранью, и Андрею Ильичу страшно захотелось спать, спать до самого утра и ни о чем не думать. Утро вечера мудренее, завтра он во всем разберется.

– Дому сему быть пусто, – вдруг раздалось поверх голосов. – Время пришло.

Голоса разом смолкли. Давешняя убогая – как ее? Матушка Евпраксия, что ли?.. – шагнула к столу и подняла руку.

– И городу, и дому пусто быть, – повторила она громко. – Кончилась ваша вольготная жизнь.

– Кто пустил-то? – забормотал Модест Петрович. – Как ты сюда попала? Слава, чтоб тебя, давай сюда! Костик!..

Нина смотрела на убогую с ужасом, Дмитрий Саутин перестал жевать, а писатель Сперанский похохатывать. Александр Иванушкин проверил, крепко ли застегнут воротник клетчатой рубахи, а аспирантка Настя подалась назад вместе со стулом.

– А ты здесь зачем? – строго и громко спросила убогая у Андрея Ильича. – Убирайся! Убирайся отсюда, пока не поздно!..

– Костик, зови Славу, и выведите ее!

– Сатана грядет, – объявила убогая, колыхнулся ее черный балахон, похожий на рясу. Анна Львовна двумя руками прикрыла рот. – Никого не останется!..

– Господи, да прогоните вы ее! – закричала Нина.

Боголюбов решительно встал и взял убогую под локоть.

– Пойдемте, – и потянул ее за собой. – Достаточно.

Она опустила руку, обвела глазами притихших людей и пошла за Боголюбовым без всякого сопротивления. Он вывел ее на крыльцо под затейливый козырек с искусно вырезанными буквами «Монпансье».

Вечерело, и воздух был холодный и как будто лиловый. Андрей Ильич вдохнул полной грудью и отпустил острый локоть. Ему очень хотелось вытереть пальцы.

– Идите домой, – сказал он. – Где вы живете?..

– Я не живу. Никто не живет. Сатана придет, все погибнет.

– Это вы мне колесо прокололи?

– Уезжай отсюда, – велела убогая деловым тоном. – Одного уморили, за другим дело стало. Сейчас же и уезжай.

Позади затопали, на крыльцо вывалился официант, за ним маячил еще кто-то.

– До свидания. – Боголюбов подтолкнул убогую в спину и обернулся. – Подкрепление не требуется, мы обошлись своими силами.

Черная фигура растаяла, растворилась в воздухе, хотя на улице было еще светло, и пустая Красная площадь как на ладони, и на улице ни одной живой души, только брехали в отдалении собаки!.. Куда делась?..

Боголюбов немного постоял на крыльце, сунув руки в карманы джинсов. Уйти?.. Или вернуться?..

– Да как ты допустил? – зычно спрашивал охранника Модест Петрович. – Видишь, она лезет, и выпроводи сразу!

– Да я только на пару минут отошел, Модест Петрович!

– Объяснительную пиши, и не будет тебе к майским никаких премиальных!..

Андрей Ильич вернулся в зал, где все хлопотали вокруг Анны Львовны, обошел картину и посмотрел хорошенько.

... Да. Замечательная картина. Ничего не скажешь.

– Виноват, не представился лично, – сказали рядом с ним громко. – Сперанский, писатель.

– Боголюбов, директор, – назвался Андрей Ильич.

– Да что ж вы так сразу брякнули, юноша?! Директор! Анна Львовна тут, да и вообще!

– Алешенька, ничего страшного, я не обращаю внимания! Кроме того, это же чистая правда! – подала голос все слышавшая Анна Львовна. По всей видимости, не так уж ей было плохо.

– Анна Львовна, не волнуйтесь только! – чуть не плача говорила Нина. – Вы не обращайтесь внимания!

– Я не волнуюсь, Ниночка.

– Наследство вам досталось сказочное, – продолжал Сперанский, буравя глазами Боголюбова. – Не всякий музей так содержится, как наш!.. Анна Львовна вам на блюдечке такое богатство поднесла!

– Какое же у нас тут богатство, Алешенька, что ты говоришь?!

Писатель как будто осекся.

– Культурное, духовное!.. Какое же еще, Анна Львовна!..

Андрей Ильич слушал очень внимательно.

...Ничего не сходится, подумал он. Ну, ничего не сходится!.. Что тут творится? Как понять?.. И картина! Очень странный портрет.

– К столу, к столу, – вмешался Модест Петрович. – Жюльенчики остыли, сейчас повторим! Повторить жюльенчики, Дмитрий Павлович?

Постепенно веселье наладилось и пошло своим чередом. «Бокальчики» и «стопочки» исправно опрокидывались. Тосты встречались аплодисментами.

Анна Львовна смеялась низким смехом, ее шелковые одежды колыхались. Дмитрий Саутин что-то втолковывал писателю

Сперанскому, Нина слушала их внимательно и время от времени совалась с какими-то вопросами. Студенты-аспиранты вышли, сказав, что «покурить», и Анна Львовна покачала головой, как бы давая понять, что должна рассердиться, но не в силах. Александр Иванушкин тоже куда-то делся. Модест Петрович хлопотал, очень старался, по деревянным крашеным полам стучали его галоши. Боголюбова после водки клонило в сон все сильнее, но ему казалось важным остаться еще, хотя и непонятно зачем. Завтра все равно придется начинать сначала.

– Анна Львовна, – спросил он, придумав. – Вы ведь завтра уезжаете не с самого утра?

Она посмотрела на него с интересом, а Нина, наоборот, отвернулась.

– А что такое?

– Проведите для меня экскурсию по музею!

– Послушайте, – сказала Нина, глядя в сторону. – Анна Львовна не экскурсовод. Ей трудно проводить экскурсии. Если вам нужно, у меня завтра в десять группа. Можете присоединиться, а Анну Львовну оставьте в покое.

– Ниночка, не надо!.. А... вы хотите настоящую экскурсию?

– Ну да.

Анна Львовна задумчиво помолчала, потом сказала:

– Нет, это даже интересно. Хорошо, я согласна. Только не надейтесь, что я буду сдавать вам дела. Александр Игоревич прекрасно справится без меня, он в курсе всех вопросов.

– Никаких дел, Анна Львовна. Я буду самый внимательный и заинтересованный экскурсант. Стану ловить каждое ваше слово.

– Ах ты, господи, – пробормотала Нина.

– А мне можно присоединиться? – спросил Дмитрий Саутин. – Не помешаю!

– Конечно, можно, Дима! Вам все можно!.. – сказала Анна Львовна.

...Дождаться чаю с тортом, о чем было объявлено отдельно – у нас такой «Наполеон», из Москвы едут, чтоб попробовать! – Боголюбов не стал.

На улице сильно похолодало, в весеннем воздухе зажглись жидкие желтые фонари. На колокольне тоже горел одинокий фонарь, а возле Ленина целых три. Боголюбов перешел Красную площадь, постоял возле своей охромевшей машины. Было очень тихо, слышно только, как вдалеке глухо брешут собаки и где-то капает с крыши.

...«Вы человек занятой, к столичной жизни привычный! А у нас тут тишина, скука. Неторопливость наблюдается. Неловко вам тут будет. Да и вникнуть надо».

Вникнуть надо, подумал Боголюбов, нашаривая на калитке замшелую щеколду-«вертушку». Может быть, и хорошо, что так получилось – он увидел людей, и они его увидели, хотя, честно сказать, он ничего не понял. Вопросов только прибавилось, и, как именно он будет вникать в новую жизнь, пока неясно. И неловкость он чувствовал!..

По мокрой дорожке Боголюбов подошел к крыльцу. Он все время помнил про мерзкую собаку и все же пропустил момент, когда она выметнулась из-под крыльца, захрипела и стала рваться.

– Пошла вон! – сказал Андрей. – Ну! На место!..

Собака наддала сильнее, крыльцо заходило ходуном.

...Что с ней делать, вот вопрос. Усыпить? Утопить? Пристрелить?..

Что-то стукнуло в отдалении, довольно сильно, Боголюбов услышал это даже сквозь припадочный истерический лай. Как будто упало и покатилося. На крыльце должен быть свет, но Андрей Ильич не знал, где он зажигается. Он нашарил холодную замочную скважину, повернул ключ и вошел.

...А здесь есть свет?.. И где выключатель?..

Звук повторился, он шел из глубины дома. Боголюбов ощупью пошел вперед. Собака бесновалась у него за спиной.

В лунном свете блеснуло пыльное стекло, потом обрисовалась какая-то картина в раме, будто из черноты вдруг выглянул кто-то безглазый, как в кошмаре. Андрей Ильич стиснул вспотевший кулак и оглянулся. За распахнутой дверью было светлее, чем внутри, из-за яблонь вставала громадная, страшная луна, голубой свет вливался в проем.

...Вернуться? Позвать на помощь?..

Андрей Ильич решительно шагнул в комнату.

Черная тень, растекшаяся по подоконнику, на секунду замерла в лунном свете и вывалилась наружу. Боголюбов бросился к окну – створка еще качалась, – высунулся и заорал:

– Стой! Стой, стрелять буду!..

Тень петляла между старыми яблонями, на миг возникла в воздухе, как будто подлетела, и пропала. Перепрыгнула забор, понял Боголюбов. Теперь не догнать.

– Да что происходит-то!..

От звука собственного голоса он как будто пришел в себя. Выключатель?.. Где этот чертов выключатель?!

Он нащупал на стене холодный кругляшок, потянул вверх язычок, зажмурился, но тут же открыл глаза и огляделся.

Окно было распахнуто, утлая решетка вывалилась наружу – должно быть, на крыльце он услышал, как она упала. В комнате все осталось в том же виде, что он застал днем, – овальный стол, несколько колченогих стульев и пустая посудная горка. Никаких следов разрушений и разорений.

Поочередно щелкая выключателями, Андрей Ильич обошел дом. В кухне над плитой висели джинсы, которые он старательно прополоскал в тазу. В спальне мирно дремала пышнотелая кровать с подушками и покрывалом. В кабинете стояли его неразобранные баулы и ничего не было тронуту. Дверь на чердак, где бывший директор то ли рисовал, то ли рассматривал звездное небо, оказалась приоткрыта, но туда Боголюбов не полез. Не хотелось ему лезть на чердак, ну совсем не хотелось!..

Поднявшись на несколько ступенек, он как следует захлопнул дверь и заложил ее поперечной перекладной, которая была аккуратно прислонена к стене. И еще подергал, проверяя.

...Что толку дергать? Все равно не поможет! Он понятия не имеет, кто и зачем забрался в пустой дом!.. Нет, еще непонятней: дом пустовал почти месяц, и именно сегодня, когда приехал он, Боголюбов, кому-то пришло в голову сюда забраться!.. Что здесь искали?.. И потом – нашли или не нашли?.. Вещи столичного жителя вора явно не интересовали: сумки как были, так и остались свалены кучей на крашеном деревянном полу!..

Боголюбов вышел на крыльцо. Собака загремела цепью, выскочила и зашлась хриплым лаем. Доски под ногами содрогнулись.

– Дура, – сказал ей Андрей Ильич. – Идиотка! Что ты орешь на меня?! Лучше бы дом караулила!..

Он запер дверь – ключ в хлипком замочке поворачивался на три оборота, – перекидал многочисленные подушки в ковровое пыльное кресло, оставив себе одну, погасил свет, лег и стал думать.

Александр Иванушкин прибыл в девять часов утра. Он был в рубашке, застегнутой по самое горло – на этот раз не в красную клетку, а в синюю, – и в резиновых сапогах, за спиной рюкзак. В одной руке металлическая сетка, а в ней яйца, в другой – бутылка молока.

Андрей Ильич уставился на сетку.

– Я к Модесту Петровичу заходил, – пояснил Александр стыдливо и сунул яйца Боголюбову под нос, как некое доказательство того, что он на самом деле заходил к Модесту Петровичу. – Он курочек держит. Ну, коз несколько, поросят, конечно, корову. Завтракать-то вам нечем!

– Проходите, – велел Андрей Ильич. Холодно было стоять на крыльце в одних трусах, и собака, рвавшаяся с цепи, лаяла так, что звенело в ушах.

Он не выспался, злился на весь мир, и голова болела.

– А вы решетки сняли, да? – из кухни громко спрашивал Иванушкин, пока Андрей Ильич одевался. – Это правильно на самом деле! У нас тут криминогенная обстановка, считай, на нуле, а решетки эти только глаз утомляют. Старый директор очень за безопасность волновался. В музее новейшую сигнализацию поставил, да вы сами все увидите!.. В дом тоже хотел провести, насилу Анна Львовна отговорила! Он старенький был, то и дело забывал переключать! У нас в месяц по три, по четыре ложных вызова было, охрана замучилась к нам ездить! А представляете, если бы он еще здесь поставил!..

– Вчера здесь возникла сплошная криминогенная обстановка, – сообщил Андрей Ильич с порога. – Шину мне разрезали.

– Как?!

– Ножом, как!.. Вон он, нож, можете посмотреть. А когда я вернулся с банкета, в доме кто-то был. Это он решетки снял, а вовсе не я. Они ему, наверное, тоже глаз утомляли.

Александр Иванушкин моргнул. Посмотрел на бутылку молока, которую держал в руке, и аккуратно поставил на стол.

– В каком смысле – кто-то был в доме, Андрей Ильич?

– Я застал здесь человека. Он выскочил в окно и убежал через сад. Я его спугнул. Дом долго пустовал? До моего приезда?

– Да он вовсе не пустовал, – молвил Александр Иванушкин растерянно. – Старый директор умер, две недели прошло, может, три, когда стало известно о... вашем назначении и скором прибытии. Меня попросили тут все разобрать и к вашему приезду приготовить. Анна Львовна попросила. Ну, я тут жил какое-то время. Мы вещи вывезли, книги, посуду. Зачем вам чужая посуда?

– У меня и своей-то нет, – поддакнул Андрей Ильич. – А чей это дом?

– В каком смысле?

– Что вы заладили – в каком смысле, в каком смысле!.. Кому принадлежит дом?

– Директорский дом музею принадлежит, так сказать, собственность учреждения, тут всегда директора квартировали.

– И вы здесь жили, разбирали посуду, и никто к вам не забирался?

– Нет, конечно! У нас криминогенная обстановка отсутствует... – тут Александр осекся.

– А ценности? – спросил Боголюбов, подумав. – Старый директор ничего из музея домой не брал?

– У нас в музее не воруют, Андрей Ильич!

– Ах ты, господи!

– Я не знаю, может, он что-то и приносил, бумаги, например! Никакие воры не станут красть бумаги! – Иванушкин покраснел пятнами. – И вообще! Может, вам показалось? Лишнего выпили?

– Поаккуратней, – попросил Андрей Ильич. – Мне ничего просто так не кажется, и выпил я вчера всего ничего.

– Вон молоко, а это творог. Если хотите, могу яичницу...

– Хочу, – сказал Боголюбов и вышел на крыльцо.

Загремела и проволочлась цепь, из-под крыльца выскочила собака и захрипела ему в лицо. Он посмотрел на нее. Она была черная, очень грязная, довольно большая. Одного глаза нет, оскаленная морда в потеках и струпьях.

– Как ее зовут? – крикнул Андрей Ильич в дом, стараясь перекричать истошный лай.

– Кого?! – в проеме показался Александр, вытирая руки полотенцем, повязанным, как фартук.

Боголюбов ногой показал на собаку.

– Как же ее?.. Забыл!.. Мотя, что ли!..

– Чья она?

– Покойного директора! Давайте дверь закроем, Андрей Ильич! А то она не уймется!.. Фу, проклятая! Замолчи!..

Боголюбов махнул рукой, сошел с крыльца и по широкой дуге, под яблонями, пошел за дом, обходя собаку.

– Вы куда?! А?! У меня там яичница сейчас сгорит!..

Под водосточной трубой с жестяным раструбом стояла кадушка, до половины наполненная водой. Боголюбов заглянул в кадушку. В темной воде плавали коричневые прошлогодние листья, березовые сережки и отражалось небо, голубое, весеннее.

– Ау! – сказал Боголюбов в кадушку, как в колодец. Вода сморщилась и задрожала, стены отозвались сырым и глухим звуком.

Сад был довольно большой, просторный, в глубине покосившаяся беседка – как же без нее! – увитая голыми плетями дикого винограда. Казалось, держится беседка только потому, что виноградные плети не дают ей упасть. В отдалении у забора ровные длинные грядки, заботливо накрытые серым полиэтиленом, – интересно, кто это тут огородничает?

Андрей подошел под окно и посмотрел. Решетка была не то что выбита, а как бы выставлена – впрочем, наличники, к которым она прикручивалась, оказались совсем трухлявыми, он поковырял пальцем. Должно быть, вывалилась от одного удара, даже не слишком сильного. Она гроыхнула по каменной отмостке – ночью Андрей Ильич как раз и услышал, как она загрохотала, – и упала на мягкую землю.

Боголюбов присел и стал изучать следы.

– Что там? А?.. Нашли что-нибудь?

Саша Иванушкин висел над ним, высунувшись из окна почти по пояс. Вид у него был возбужденный, веснушчатые щеки покраснели от наклонного положения.

Боголюбов поднял с земли решетку, прислонил к стене и огляделся. Неопределенные, расплывчатые следы уходили под яблони в дальний конец сада.

– А там что? За забором?

– Ничего, – сообщила голова Иванушкина. – То есть как ничего!.. Там прудик и баня. Ручей когда-то давно запрудили и на берегу баню построили. Дань традиции, так сказать. Куда русский человек без бани, сами понимаете...

– Значит, соседей с той стороны нет?

– Нет, там пруд и баня!.. Идите, Андрей Ильич, яичница готова.

Боголюбов пробормотал: «Сейчас» – и пошел к забору, пригибаясь под низкими корявыми ветками.

...Ну да. Вот здесь загадочный вор, забравшийся в дом и ничего так и не взявший, – ну, на первый взгляд! – перепрыгнул штакетник. Боголюбов примерился и тоже попробовал перепрыгнуть. С одного раза, пожалуй, затруднительно, так не перемахнешь, перелезть нужно.

Андрей Ильич перелез на ту сторону. Здесь было очень сыро, под ногами хлюпало. Бережок спускался к круглому пруду, вокруг которого в беспорядке толпились голые ивы и кое-где торчала изломанная ржавая осока. По периметру стояли черные бани, три или четыре, от каждой в прудик выдавались мостки. Неопределенные следы, по которым Андрей Ильич шел наподобие сыщика из кино, резко сворачивали вправо и пропадали в прошлогодней жухлой траве.

– Жил-был у бабушки серенький козлик, – пропел Андрей Ильич на мотив «Сердце красавицы склонно к измене» из «Риголетто», – жил-был у бабушки серый козел!

Он перелез забор, проворно подбежал к дому, подпрыгнул, уцепился за подоконник и стал подтягиваться. Ноги болтались, перевешивали, лезть было неудобно. Собака припадочно забрехала с той стороны дома.

Боголюбов кое-как перевалился через подоконник, уселся, свесил ноги и стал стаскивать башмаки. На каждом было примерно по пуду черной жирной земли.

– Андрей Ильич! – удивился возникший на пороге Саша Иванушкин. – А что это вы... в окно?

– Залезть довольно трудно, – сообщил Боголюбов. – Высоковато.

Держа снятые ботинки в отставленной руке, он обошел Сашу, вышел в коридор и с грохотом вышвырнул на крыльцо ботинки.

– Собака услышала, хотя я не шумел. Окно было открыто!.. Я просто влез, решетку не снимал и шурупы не вывинчивал. Она все

равно услышала.

– Ну, услышала, – согласился Саша. – Это же собака!..

– А ночью она, выходит, ничего не слышала. Приступ глухоты ее поразил!.. Когда я пришел из трактира «Монпансье», она спала под крыльцом и выскочила, только когда я стал подниматься.

– И... что это значит?

– Это значит, милый Александр, что в моем доме был человек, которого Мотя прекрасно знает! И ей в голову не пришло на него бросаться.

– А ведь правда! – согласился Саша и радостно улыбнулся, как будто Андрей Ильич сказал ему нечто очень приятное. – Если она не лаяла, значит, был кто-то свой!..

– И кто у нас тут свой?

Боголюбов вошел в кухню, потянул носом – пахло хорошо, вкусно! – спихнул со стула давешний ком, который он содеял из содранной со стола клеенки, боком сел и стал вилкой цеплять со сковороды яичницу.

– Давайте я на тарелку положу!

Андрей Ильич помотал головой и замычал с набитым ртом – не надо, и так прекрасно!..

Саша постоял, пожал плечами, пристроился напротив и налил себе молока в граненый стакан.

– Вы поймите, Андрей Ильич, – проникновенно сказал он, поставив стакан. На губе у него остались молочные усы. – У нас тут очень спокойная, даже скучная жизнь...

– Ммм?.. – не поверил Боголюбов.

Саша кивнул:

– Ну конечно!.. Это все очень, очень странно!.. Тут месяцами ничего не происходит, а чтобы шину разрезать!.. Хулиганствующие субъекты все в столицу переместились за развлечениями. Да и вольготней там намного, интересней!.. А здесь что?.. Музей наш знаменитый, но что музей?.. Фарфоровый завод до сих пор работает, посуду делает, статуэтки, японцы их очень любят. Девушка

с книжкой. Женщина с корзиной. Поделки, конечно, пошлейшие, но почему-то пользуются спросом!.. Университет свой есть.

– Ммм? – опять удивился Боголюбов.

– Да, да, здесь когда-то давно, при советской власти, квартировали части стратегического назначения, военных городков по лесам полно было, вот и открыли университет, чтобы люди могли прямо на месте образование получать. Военных нет давно, а университет еще жив, набирают студентов каждый год полный курс. – Саша еще отпил молока. – Если и случаются ЧП, то только летом, когда туристов много. В прошлом году, говорят, в ресторане «Аист» подрались, даже наряд вызывали!.. А так... Тишь, гладь да Божья благодать.

– А шину мне порезали!

– Вот я и говорю, что странно это! – Саша почесал заросшую светлыми волосами макушку и подтянул манжеты клетчатой рубахи. – А в Москве у вас врагов нет?

Боголюбов засмеялся.

– Таких, которые последовали бы за мной в изгнание и тут на месте стали резать мои колеса, нет, Саша. Что могли искать в этом доме? Ну, хоть предположите!..

– Я не знаю, – твердо сказал Иванушкин и так же твердо взглянул Боголюбову в лицо. – Предполагать не буду. Десятый час, нам в музей пора. Еще, не дай Бог, Анна Львовна раньше времени придет.

Боголюбов поставил в раковину пустую сковородку и пустил воду.

...Модест Петрович весь вечер стучал по крашеным полам галошами. В галошах перелезть через подоконники и перепрыгивать через заборы неудобно, считай, невозможно. Кто еще выходил?.. Аспирантка Настя Морозова и студент Митя, помогающий «с реставрацией некоторых полотен». Они выходили «покурить», это Боголюбов помнил совершенно точно. Красивая и задиристая Нина, кажется, тоже выходила или нет?.. Знаменитый писатель Сперанский, сын знаменитого художника Сперанского, весь

вечер просидел возле Анны Львовны. Он мужчина... курпулентный и скакать через заборы вряд ли бы сподобился.

Кто-то из них забрался в дом Боголюбова, где до него квартировал покойный директор. Андрей Ильич был абсолютно уверен, что ночной визит как-то связан с музеем и его приездом сюда. Посторонний воришка, да еще из местных, вряд ли позарился бы на колченогие стулья и пустую посудную горку!.. Все местные в курсе, что директор помер и в доме нет ничего ценного. И собака!. Припадочная собака мирно спала, покуда он не явился, тогда она стала хрипеть и рваться!..

...Что делать с этой собакой? Утопить? Пристрелить?..

На площади перед музеем стоял двухэтажный автобус, похожий на пароход, на лавочках сидели бабушки-туристки в кроссовках и холщовых брючках. На шее у каждой из них болталось по фотоаппарату. Внучата туристических бабушек носились между лавочками, пугали толстых голубей, самые активные тыкали палками в не работающий по весеннему времени фонтан. На стоянке дремали какие-то машины.

В самом деле культурная жизнь бьет ключом!

Саша Иванушкин быстро и уверенно пошел к желтому крылечку с резным козырьком из начищенной жести с надписью «Служебный вход».

– Это Дмитрий Павлович постарался, Саутин, – говорил он на ходу. – Все подновил: и крыльцо, и наличники. Видите, как красиво стало! А то каждый день ждали, что стропила подломятся и крыша завалится.

По узкой лестнице, застеленной вытертой ковровой дорожкой, когда-то, должно быть, малиновой, они поднялись на второй этаж. Здесь был длинный и светлый коридор со множеством окон, выходящих в музейный парк, и множество дверей с табличками. На окнах висели капроновые музейные занавески на шнурках, крашенные доски пола поскрипывали.

– Нин, привет, – сказал Саша, заглянув в одну из дверей. – Анны Львовны нет еще?

– Как бы не так! – ответили из-за двери злорадно. – В экспозиции давно!

– Опоздали! – прокудахтал Саша. – Бежим, Андрей Ильич, бежим скорее!..

Дверь распахнулась так широко и так резко, что Боголюбову пришлось ее придержать, чтоб не получить в лоб, и из нее выскочила Нина. Сегодня она была в джинсах и черном свитерке с иностранными буками на рельефной груди – ну ничего, ничего похожего на музейную работницу! Боголюбов даже засмотрелся.

– Что вы смотрите? – спросила Нина задиристо. – Хотите получить заявление по собственному желанию? Так вот, не стану я писать никаких заявлений! Вы здесь временно, это я вам точно говорю! А потом справедливость восторжествует.

– Какая справедливость? – пробормотал Андрей Ильич.

Саша тянул его за собой, и пришлось идти, вместо того чтобы насладиться препирательствами с хорошенькой девушкой, невзлюбившей его с первого взгляда.

...Она, пожалуй, вполне могла скакать через подоконники и перелезть заборы!

Саша открывал какие-то двери, почти тащил нового директора за собой, сзади что-то язвительное говорила Нина. Всей процессией они выскочили в просторный белый зал с колоннами, пролетели его и оказались в следующем, поменьше. Возле одной из картин толпились экскурсанты и Ася что-то говорила, уныло и монотонно.

– Мы поменялись, – сказала Нина и улыбнулась Саше. – Я лучше еще разок Анну Львовну послушаю. Анна Львовна, вот и мы.

Бывшая и. о. директора музея повернулась, взметнулись шелковые одежды, Дмитрий Саутин бережно поддержал ее под локоть.

– Извините за опоздание, – прощebetала Нина, – мы тут ни при чем...

– Нет никакого опоздания! – возразил Боголюбов с досадой. – Договаривались на десять, а сейчас, – он посмотрел на часы, – как раз ровно.

– Мы иногда группы пораньше пускаем, – сообщила Анна Львовна доверительно. – Музей по пятницам работает с десяти, а в остальные дни, кроме понедельника, с одиннадцати. В понедельник, как водится, выходной.

– Это Анна Львовна придумала раньше открывать, – похвасталась Нина. – Группы иногда с самого утра приезжают, людям приходится ждать, Анне Львовне всех жалко, вы понимаете...

– Ниночка, ну что ты?.. Итак, приступим!.. Я предлагаю начать с первого этажа.

Тут Нина вдруг всполошилась.

– Зачем, Анна Львовна! Давайте отсюда! Здесь основная экспозиция, внизу только местные художники. Я потом сама могу показать... – Она запнулась.

– Андрею Ильичу, – подсказал Иванушкин услужливо, и Нина усмехнулась саркастически.

...Выслуживаешься – вот как она усмехнулась. Надеешься, у нового руководства будут свои любимчики, в них метишь!.. Я все вижу, все знаю. Ну, мы еще посмотрим, кто кого!..

– Нет, нет, давайте спустимся.

– Не затрудняйте себя, – поддержал Нину Дмитрий Саутин. – Ну, первый этаж можно напоследок оставить, если вы считаете, что он необходим.

– Оттуда и начнем, – заключила Анна Львовна и твердо взяла Дмитрия под руку.

– Сердце у нее плохое, – негромко сказал Саша Андрею Ильичу, – по лестнице подниматься трудно, задыхается. Но упрямится, не слушает.

Они пропустили группу, которая затопала по парадной мраморной лестнице десятками ног.

– Наш музей существует девяносто лет, с двадцать четвертого года, – говорила Анна Львовна. – В усадьбе никогда не было никаких... государственных или советских учреждений!.. Наоборот, как только приняли решение о создании музея, сюда стали свозить произведения искусства и предметы интерьера из всех окрестных дворянских домов. Гражданская война по нашей губернии прошла как молотом по наковальне. Отечественная тоже наделала немало бед и разрушений. До конца пятидесятых музей был в плачевном состоянии, но постепенно все наладилось. На восстановление понадобилось много лет!

Она опиралась на руку Дмитрия, шла медленно и говорила, слегка задыхаясь.

– В этой усадьбе, а она принадлежала Муромцевым, как вы знаете, бывали Тютчев, Батюшков, Грибоедов проездом!.. Аристарх Венедиктович, первый хозяин усадьбы, был очень богатым и образованным человеком. Столичную жизнь презирал и сыновей готовил именно в помещики, а не в гвардию, как было принято после Петра.

Боголюбов, который все знал и про усадьбу, и про Муромцева, не столько слушал, сколько смотрел по сторонам и на Анну Львовну.

Музей, похоже, на самом деле содержался в идеальном порядке: нигде никакого запустения, пыли, следов недавнего потопа или чего-то в этом роде. Многочисленные полотна на стенах грамотно и аккуратно подсвечены, в залах и на лестнице датчики влажности и температуры, бесценные паркетные полы сияют, как будто их чистили только что. Для экскурсантов положены ковровые дорожки, застеленные сверху серой холстинкой – свежей, никаких отпечатков ног, хотя на улице сыро.

– Интерьеры – у нас интерьерная экспозиция называется не слишком оригинально: «Быт помещика» – в той части музея, а здесь десять залов изобразительного искусства. Коллекция богатейшая! Имеем возможность даже делать тематические выставки – из собственных запасников, между прочим!..

– В прошлом году была «Весна в произведениях русских художников», – сунулась Нина. – Очень хорошая выставка!..

– А на первом этаже представлены наши земляки, Богданов-Бельский, Зворыкин, Крыжицкий, Сверчков.

Растянувшаяся группа плелась по залу в сторону Аси, которая, глядя в пол, стояла возле стены с овальными портретами.

– Лучше бы ты сама провела, Нина, – сказала Анна Львовна с тихим неудовольствием. – Люди за экскурсию деньги платят и хотят, чтобы...

Ася, хоть и смотрела в пол, начальство заметила, встрепенулась, бледный носик пошел красными нервическими пятнами. По всей видимости, и она не ожидала, что Анна Львовна спустится на первый этаж.

Боголюбов прошел вперед: ему интересно было определить время, когда писались портреты в овальных рамах и как именно они подобраны. Композиционно они смотрелись великолепно – ай да Анна Львовна!..

Он не дошел до бархатного каната на металлических блестящих стойках нескольких шагов. За его спиной кто-то хрипло вскрикнул.

Боголюбов оглянулся.

Анна Львовна с ужасом смотрела на Асю. Одной рукой она махала перед собой, как бы стараясь отогнать нечто невидимое, а второй схватилась за горло.

От изумления Боголюбову показалось, что она сама себя душит и вот-вот задушит. Лицо Анны Львовны вмиг стало белым и плоским, только шевелились ярко накрашенные алым губы.

– Не... может... быть, – выговорили эти губы, и Анна Львовна повалилась навзничь.

На похороны скоропостижно скончавшейся Анны Львовны собрался весь город. Огромная толпа прошла за гробом по центральным улицам и поднялась на горку. Боголюбов, проезжая

мимо в первый раз, думал, что на горке рощица, светлая, просторная, а оказалось – городское кладбище.

В толпе говорили про обширный инфаркт, «удар», «не перенесла унижения», «сердце и не выдержало».

На Боголюбова смотрели, как будто он был во всем виноват, за спиной громко и укоризненно говорили про москвичей, от которых исходят все беды. К нему никто не подходил, даже Саша Иванушкин стоял отдельно.

Андрей Ильич, не присутствовавший на отпевании и приехавший только на кладбище, ругал себя за это. Не пойти было нельзя, но лучше бы не ходил!.. Под тихими березами, чуть подернутыми влажной зеленой дымкой, он на самом деле чувствовал себя виноватым, хотя ни в чем не был виноват!..

...Трудности и неприятности оказались намного труднее и неприятней, чем он ожидал.

Он уехал сразу, как только закончилась прощальная церемония. Сбежал с холма, сел в машину и уехал.

Из-за прилаженной вместо изуродованного колеса запаски ему казалось, что машина медленно передвигается на костылях, хотя запаска ничем от других колес не отличалась.

...От чего мог приключиться этот самый «удар»?! Когда утром в пятницу Боголюбов отправился с Анной Львовной на экскурсию, оказавшуюся для нее последней, она была в прекрасном расположении духа! Не задыхалась, не хваталась за сердце, не принимала таблеток!.. Почему она прошептала: «Не может быть!» Даже не прошептала, а прохрипела!.. И чего именно не могло быть?.. Она смотрела... куда она смотрела?

Сзади миролюбиво посигналили, и Боголюбов понял, что проспал светофор.

...Она смотрела на Асю и музейную стену с овальными портретами. Он, кажется, еще подумал что-то про композицию!.. Кто еще там был, кроме группы экскурсантов? Он сам, Нина, Дмитрий Саутин, Саша Иванушкин.

Боголюбов закрыл глаза и представил. Вот он оборачивается на странных вскрик или стон и видит Анну Львовну с рукой, стискивающей горло. Она одна, рядом с ней никого нет, остальные чуть впереди. Она показывает рукой и выговаривает с трудом: «Не может быть». Кого не может быть?.. Чего не может быть?..

Она умерла еще до приезда «Скорой», а «Скорая» приехала через пять минут!.. Что ее так напугало? Или потрясло?..

Удар, говорили в толпе. Сердце не выдержало. Чего именно не выдержало сердце Анны Львовны?..

Собака бросилась ему под ноги, когда он начал подниматься на крыльцо, захрипела и стала рваться, и Боголюбов вдруг озверел. Он сбежал со ступеней, пошел прямо на нее, она шарахнулась и залаяла еще громче. Он с мясом выдрал из стены дома металлическое кольцо, к которому была прикручена цепь, и швырнул цепь в собаку. Та взвизгнула и откатилась в сторону.

– Пошла вон! – заорал Боголюбов страшным голосом. – Ну?! Давай отсюда!..

Приседая на грязных лапах, скалясь и оглядываясь, собака понеслась между яблонями. Цепь волоклась за ней и гремела.

– Чтоб ты сдохла где-нибудь!..

Псина протиснулась между старым штакетником, металлические звенья зацепились, она задавленно вскрикнула, упала в грязь и опять понеслась. Освободившаяся цепь волоклась за ней.

Моментально со всех дворов Красной площади залаяли собаки, поднялся шум и гвалт.

Андрей Ильич махнул рукой и сел на крыльцо.

Нужно съездить в музей на место, где все случилось. Наверняка там сейчас нет никого, с кладбища все отправятся на поминки Анны Львовны в трактир «Монпансье», где только что был банкет в ее же честь.

Разве так может быть – третьего дня чествование, а сегодня поминки?.. Разве так бывает?..

Боголюбов встал и похлопал себя по карманам в поисках ключей от машины. Ему казалось очень важным как следует рассмотреть портреты на той самой стене. Или дело вовсе не в портретах, а в тех людях, что стояли перед ней? Как теперь это узнать?..

У калитки Андрей Ильич сообразил: ехать на машине в музей глупо и незачем, идти быстрее и приятней. Он все никак не мог привыкнуть к тому, что в этом городе нет никакой надобности выезжать за три часа, смотреть в навигатор, выбирая «маршруты объезда», нервно стучать по рулю, метаться из ряда в ряд, проклинать пробки, движение, власти, приезжих и радиоведущих с их натужными попытками развлечь! Ни пробок, ни движения. Радиостанций тоже никаких, кроме радио «Шансон», которое звучит из всех автомобилей!

– Поедем с тобой на озера, – сказал своей машине Боголюбов. – Ты это любишь. Я пойду на лодке далеко. Здесь озера знатные.

Он дошагал до музея и вошел – на площади никого, все лавочки пустуют, ни старушек, ни внучков, ни автобусов, похожих на корабли, и только тут вспомнил, что музей закрыт, заперт!..

Сегодня понедельник, выходной, да еще и похороны Анны Львовны!..

Боголюбов потоптался возле не работающего по весеннему времени фонтана, ругая себя – как это он забыл?! – а потом все же подошел к ухоженной дверце флигеля с надписью «Служебный вход» и неизвестно зачем потянул кованую ручку. Дверь неслышно отворилась, так легко, что Боголюбов от неожиданности чуть не повалился назад.

Он вошел в тихое помещение и на всякий случай сказал громко:

– Добрый день!..

Никто не отозвался. Он прислушался. Из глубины старинного дома не доносилось ни звука.

Направо была еще какая-то дверь, запертая, и он пошел вверх по лестнице, как тогда с Сашей. В солнечном коридоре не оказалось ни

души. Сейчас, кажется, налево, там короткий переход и большой белый зал, а помещение, где все случилось, на первом этаже.

– Есть кто-нибудь? – громко спросил Андрей Ильич и прислушался.

За кудрявой капроновой занавеской раздалось хлопанье крыльев, и с жестяного откоса сорвался жирный голубь. Дал круг, прибыл обратно и через стекло уставился на Боголюбова круглым немигающим глазом.

Голубей Андрей Ильич не любил.

Боголюбов дошел до высоких двустворчатых дверей, за которыми вроде бы был просторный белый зал с колоннами. Двери, ясное дело, оказались заперты. Красный глазок сигнализации мерно мигал под потолком. Боголюбов подергал начищенные медные ручки, впрочем, не слишком сильно. Еще не хватает разбирательств с охраной, если таковая прибудет по тревоге!..

Как попасть на первый этаж другим путем и есть ли этот путь, Андрей Ильич не знал.

Он вернулся в затопленный весенним солнцем коридор, стал у окна, сунул руки в карманы и спел про серенького козлика на мотив «Сердце красавицы».

И насторожился.

Через внутренний двор музея вдоль стены кто-то шел, он видел тень, неторопливо скользившую по круглой клумбе, похожей из-за только что распустившихся первоцветов на бело-голубое облако. Андрей Ильич прижался носом к стеклу и вывернул шею, пытаясь рассмотреть идущего.

...Музей закрыт, калитка и ворота в парк, кажется, тоже заперты. На воротах висячий замок, он видел его совершенно точно! Кто там ходит?.. Кто пришел сюда и открыл дверцу с надписью «Служебный вход», несмотря на понедельник и похороны Анны Львовны?..

Тень переломилась на дальней стороне цветочного облака и выступила на солнечный свет.

Андрей Ильич от неожиданности тихо присвистнул.

По музейному двору неторопливо шагала убогая Евпраксия или как ее?.. Ефросинья?.. Вещунья, предсказавшая скорый конец всего.

Андрей Ильич вдруг вспомнил: и городу, и дому быть пусто. Никого не останется. Одного уморили, за другим дело стало.

– Стойте, – громко сказал он и застучал в окно. – Подождите, мне нужно с вами поговорить!..

Она то ли не слышала, то ли не обратила внимания.

Он скатился с лестницы, выскочил на улицу и подбежал к высоченным кованым воротам, закрывавшим путь во внутренний двор и парк. Ворота были заперты. Андрей Ильич налег на чугунную створку, которая, разумеется, даже не дрогнула. Калитка с левой стороны тоже оказалась на замке. Мигал красный огонек сигнализации.

– Эй! – крикнул Андрей Ильич, пытаюсь просунуться между прутьями решетки. Это было никак невозможно. – Вы меня слышите? Как вы туда попали?!

Никого и ничего.

Он отбежал немного и взглядом оценил решетку. Она была высока – значительно выше человеческого роста! – начищенные копы жарко горели под солнцем.

Боголюбов побежал вдоль решетки сначала налево, она спускалась к шустрой узкой речке, резко поворачивала и уходила в лес, а потом направо. С этой стороны она продолжалась серым бетонным забором, ошетиившимся по верху ржавой колючей проволокой.

Он вернулся к крыльцу с резным жестяным кокошником и вытер вспотевший лоб.

...Нет ничего странного и удивительного в том, что по музейному парку в неурочный час ходит какой-то человек. Наверняка парк не везде обнесен забором, как казначейство или пулеметный дот, есть и дырки и лазейки!.. Тем не менее Андрею Ильичу это показалось странным и зловещим.

Он сел на лавочку, прищурился на солнце и подумал немного.

Ефросинья или Евпраксия уж точно не могла состоять на службе в музее!.. Анна Львовна не была похожа на сердобольную старушку, помогающую всем сирым и убогим, несмотря на то что и Дмитрий Саутин, и Нина, и Александр Иванушкин пытались убедить его в обратном!.. Визит убогой в трактир «Монпансье» Анну Львовну напугал и встревожил, кажется, ей даже капли предлагали!.. А убогая совершенно четко заявила, что «никого не останется» и что уже «одного уморили»! Что она имела в виду, хотелось бы знать?..

Ни в ясновидение, ни в гороскопы, ни в предсказателей судеб Андрей Ильич не верил.

Вдалеке прогрохотал грузовик, тянувший на прицепе желтую бочку с синими буквами «Молоко». Боголюбов проводил его глазами и вернулся в музей.

По-прежнему никого не было на узкой лестничке и в залитом солнцем коридоре на втором этаже.

В человека-невидимку Боголюбов не верил тоже!..

Открытой оказалась только одна дверь с табличкой «Директор». Андрей Ильич вошел в тесную приемную, где стояли желтый стол, зеленый диван и три коричневых стула.

– Есть кто? – громко спросил Андрей Ильич, злясь все сильнее.

Разумеется, никто не отозвался, и он зашел в кабинет. Здесь царил полумрак, шторы задернуты и большое зеркало в деревянной раме занавешено черной тафтой. На стенах висели какие-то картины, письменный стол был абсолютно пуст и чист, ни единой бумажки, зато в белом фарфоровом кувшине стояли свежие первоцветы.

Андрей Ильич подошел и потрогал. Кувшин был влажный, очевидно, поставили только что.

Он сел в жесткое неудобное кресло с высокой спинкой и огляделся. Массивные тумбы с выдвигаемыми ящиками, книги в растрепанных переплетах, сложенные почему-то прямо на полу. С правой стороны – шкафы, в них тоже пусто. С левой – громоздкий сейф с приоткрытой толстенной дверцей.

Боголюбов чувствовал себя, как будто забрался в чужой дом в отсутствие хозяев, неловко ему было и очень хотелось поскорее выйти на улицу. Уйти он не мог: в конце концов, это теперь его музей, он за него отвечает и так до сих пор и не понял, кто и зачем в выходной день открыл дверь, почему прячется, как попала в парк черная тень по имени Ефросинья!..

Андрей Ильич встал, выглянул в коридор – никого! – подошел и потянул на себя дверь несгораемого шкафа. Внутри почти ничего не было, только несколько папок с белыми тесемками.

Он вытащил папки, но в директорское кресло возвращаться не стал, пристроился на стул напротив. На одной папке было написано черным маркером «Личные дела», и туда он заглядывать не стал. На другой «Ремонт» – в ней оказались копии счетов и чеков с фиолетовыми штампами. «Фанера первой категории, – прочитал Андрей Ильич, – кол-во листов 12, цена за 1 шт. 520 руб. 78 коп.».

Была еще одна папка ярко-зеленого цвета, самая нижняя. Боголюбов вытащил ее и открыл.

Он ничего не успел разобрать. Сзади что-то мелькнуло, он не увидел, но почувствовал. Оглянуться он тоже не успел. Взмах, как будто что-то просвистело в воздухе, страшный удар обрушился ему на затылок, и Андрей Боголюбов упал лицом в раскрытую зеленую папку.

Он очень замерз. Так замерз, что не чувствовал ни рук, ни ног. Как это ему пришло в голову спать на улице, да еще без спального мешка?! Он точно помнил, что, собираясь на охоту, закинул этот самый мешок в багажник! Почему он лег без него и под открытым небом, а не в машине или палатке?..

Он стал подтягивать ноги и не понял, подтянул или нет и есть ли у него вообще ноги. Потом медленно сел. Перед глазами все плыло и качалось.

Качался какой-то фонарь, плыли кирпичи в каменной кладке, за ними извивались деревья. От качки его сильно затошнило. Андрей

взялся за голову. Голова была холодная и огромная, как будто чужая.

Он замычал. Тошнота только усилилась.

Перебирая обеими руками по каменной кладке, он поднялся на ноги, прислонился лбом к стене и постоял немного.

...Я не ездил на охоту. Я ходил в музей. Я сидел в кабинете и рассматривал папки. Больше ничего не помню.

Боголюбов не мог сообразить, где он. Кирпичная стена под фонарем казалась бесконечной. За желтым кругом было темно, и это означало, что пролежал он здесь долго, почти полдня.

Путаясь ногами и придерживаясь за стену, Боголюбов побрел куда-то, но быстро наткнулся на непреодолимое препятствие. Он повернулся и побрел обратно.

...Меня ударили по голове. Я сидел за столом спиной к двери, передо мной лежали папки. Кто-то вошел и ударил меня. А потом приволок сюда.

Стена повернула, и Андрей Ильич повернул вместе с ней. Руку он не опускал. Ему казалось, если опустит, то непременно упадет.

... де я? В катакомбах, в руинах?.. Что с головой? Она цела или развалилась на части?

– ...Смотри, смотри!..

– Это кто там?

– Да вроде новый директор музея! Нализался, что ли?..

– Точно нализался! Ах, москвичи проклятые, одни безобразия от них!

– Тише, может, он слышит!

– Да ничего он не слышит, на ногах не стоит!

– Где я? – спросил Андрей Ильич пустоту, говорившую человеческими голосами. – Помогите мне.

– Пошли отсюда, ну его, – с сомнением отозвалась пустота после паузы. – Может, у него белая горячка!..

И снова тишина.

Кирпичная стена кончилась. Впереди замаячило что-то белое, и Андрей Ильич качнулся вперед к этому белому. Оно оказалось

холодным, округлым и широким, и он понял, что это колонна, подпиравшая своды торговых рядов. За ней горели фонари, и по площади ходили люди.

Андрей Ильич постоял немного, унимая тошноту и качание. Нужно добраться до дома. Расколота голова – бред. Он может стоять и даже кое-как двигаться, значит, голова на месте и более или менее цела. Нужно добраться до дому и сунуть ее под холодную воду. Только и всего.

Шел он долго. В расколоте не до конца голове засела мысль, что никто не должен видеть, как он идет, это казалось сейчас самым важным. Он обходил фонари и время от времени останавливался в темноте под деревьями, отдыхал и закрывал глаза, опасаясь, что его вырвет. Направление он определял по колокольне, на которой горел прожектор, и ему казалось, что он не дойдет никогда. Самым трудным было перейти Красную площадь, но он перешел и не упал и потом долго пытался открыть вертушку на калитке и не помнил, как открыл.

До крыльца он шел уже из последних сил и рухнул на ступени в изнеможении.

– Сейчас, сейчас, – сказал он себе и закрыл глаза. – Я просто посижу немного.

Холодало, и от холода Боголюбову легчало, только руки и ноги сильно затряслись. Высыпали крупные звезды, и между корявыми ветками старых яблонь повисла луна.

...Почему-то собака не бросается и не хрипит. Ах да. Я же ее выгнал.

Он нашарил в переднем кармане ключ, с трудом поднялся, отомкнул дверь и зажег электричество. Свет вывалился наружу. Луна сразу померкла, а звезды совсем пропали.

Чье-то присутствие явственно обозначилось позади – так отчетливо, что зашевелились волосы на разбитой голове. Боголюбов нагнулся – его сильно качнуло, – и схватил топор, прислоненный в углу под дверью.

...Все, хватит. Больше я не дамся!..

И развернулся с топором в руке.

Перед крыльцом в световом конусе сидела собака. Обрывок цепи болтался на шее. Ее, как и Боголюбова, сильно трясло.

– Дура, – сказал ей Андрей Ильич. – Идиотка. Пошла вон!..

Собака отбежала немного, но не ушла. Он вернулся на крыльцо, сел, положил подбородок на топориче и закрыл глаза.

Из темноты за ним наблюдали луна и мерзкая собака.

– Зачем ты вернулась? – спросил Боголюбов у псины. – Ты меня ненавидишь, и я тебя ненавижу. А хозяин твой помер давно.

«Мне некуда идти, – помолчав, ответила собака. – Я в лес собиралась, но глаз не видит ничего».

– В лес! – фыркнул Боголюбов. – В лесу жить надо умеючи! А ты что умеешь? Брехать только и на людей кидаться! Я тоже всю жизнь в Москве прожил, сюда приехал и ничего не понимаю!

«Вот и я в лесу не смогу, – сказала собака. – Волки загрызут, тут волков пропасть. И не уйти мне! Я дом стерегу. Хозяина нет, но дом-то остался. А я на службе. Со службы меня никто не отпускал».

– И я на службе, – согласился Боголюбов. – И никто меня с нее не отпустит. Только я не думал, что на ней могут убить.

«Меня все время хотят убить, – отозвалась собака даже немного залихватски. – Кто ни придет, все повторяют – утоплю, пристрелю. А как я службу брошу?.. Меня охранять взяли. Я охраняю, а меня все убить грозятся».

– Ну и дура, – повторил Боголюбов. – Как тебя зовут-то хоть?

Собака промолчала.

Он поднялся, позабыв, что его голову подпирает топор. Тот упал и сильно загрохотал. Собака отскочила в темноту. Андрей Ильич с трудом спустился с крыльца и, держась рукой за стену, пошел за дом. Взялся за края кадушки, сильно выдохнул и сунул голову в ледяную воду. Заломило лоб, заложило уши, он выдержал сколько мог, вынырнул и постоял немного. Со лба и ушей холодные тяжелые капли шлепались в кадушку с сочным звуком.

– Вот так-то, – сказал Андрей Ильич и пошел в дом.

В буфете с оторванной дверцей он разыскал эмалированную миску, набулькал в нее молока из бутылки и выставил на крыльцо.

– Пей, – велел Андрей Ильич в темноту. – Подумаешь, на службе она!..

Подхватил с крыльца топор и ушел, позабыв про распахнутую дверь.

На этот раз Боголюбов зашел через парадный вход. Охранник в форме поднялся ему навстречу.

– Доброе утро, товарищ директор!

– Доброе, – согласился Андрей Ильич. – Где Иванушкин?

– В экспозиции, – отрапортовал охранник. – Давно пришли и теперь в экспозиции. Вот сюда, потом направо.

Боголюбов поднялся по широким мраморным ступеням и повернул направо.

Саша Иванушкин с Ниной и московской аспиранткой по фамилии, кажется, Морозова сооружали какую-то композицию. На полу ворохом лежали цветы, какие-то фотографии и большой портрет. Саша ползал на коленях вокруг орехового стола на изогнутых ножках.

– Групп сегодня нет, Андрей Ильич, и мы решили этим заняться, – заговорил он, хотя Боголюбов его ни о чем не спрашивал. – В честь Анны Львовны, так сказать. А стол из интерьерной части принесли.

– Могли бы сами распорядиться, – под нос себе буркнула Нина. – Догадались бы уж!.. Анна Львовна таким человеком была...

На глаза ее навернулись слезы, и она быстро смахнула их тыльной стороной ладони.

– Может, вас в кабинет проводить? Это на втором этаже, – спросил Саша.

Боголюбов со вчерашнего дня и, видимо, навсегда запомнил, где в этом здании находится директорский кабинет!..

– А у вас научное звание какое? – вдруг спросила аспирантка Морозова.

Боголюбов не сразу сообразил, какое у него научное звание.

– А что такое?

– Я монографию пишу, на нее отзыв нужен. Мне Анна Львовна обещала прислать его из Кисловодска, она же к сыну собиралась! Дадите отзыв, Андрей Ильич?

– Я сначала монографию прочитаю, – мрачно сказал Боголюбов. – Дадите монографию? Саша, проводите меня. Где тот зал, помните, в который мы тогда спустились с Анной Львовной?..

Иванушкин с готовностью поднялся и пошел, Боголюбов двинулся за ним. Девушки проводили их глазами.

– Ужас, – выговорила Нина, и слеза все-таки капнула на ореховый стол. – Почему, почему так бывает?! Вся жизнь теперь пропала!

– Монографию он будет читать, – поддержала ее Настя. – Что он понимает в древнерусском искусстве, а? Я никогда не слышала такой фамилии – Боголюбов! Ни статей, ни научных работ не читала.

– Да какие работы, Настя! Ты посмотри на него! Шкаф ходячий! Лодку с мотором на прицепе привез! Из него такой же ученый, как из меня... спецназовец! Ты когда-нибудь видела ученых, которые на рыбалку ходят?..

Настя подумала. Она видела множество разных ученых, некоторые из них не только на рыбалку ходили, но еще и с упоением резались в дурака и преферанс по полкопейки, и это никак не умаляло их заслуг перед наукой, но сейчас говорить об этом не стоило. Нина всей душой ненавидела Боголюбова, считала его врагом, и следовало поддержать ее в ненависти, а не охлаждать. В конце концов, этот Боголюбов и впрямь нежелательное осложнение!.. Кто его знает, что он за человек и для чего его сюда прислали.

– А дурачок Сашка вокруг него скачет, – презрительно сказала Нина. – Выслужиться хочет! Анна Львовна его в грош не ставила, ни

к каким серьезным темам не подпускала! Подумаешь, заместитель по научной части! Она мне обещала, что...

– Что обещала? – спросила Настя, наострив уши.

– Да какая теперь разница! – Нина махнула рукой. – Он работу Пивчика из современного искусства вверх ногами присобачил, когда выставку готовили! Вот клянусь тебе! Заместитель по научной части!

– Может, Дмитрия Павловича попросить? – вздохнув, сказала Настя и взялась за ватман. – Он же все может, у него в Москве связи большие...

– О чем попросить?..

– Ну, чтобы Боголюбова этого убрали.

– А кого назначили?

– Тебя, – выпалила Настя, решив играть всерьез. – Или вон Иванушкина. Мы все-таки его лучше знаем. И он управляемый, дурашка!.. Справимся как-нибудь.

– Если бы Дима мог, он бы ни за что этого назначения не допустил, – печально сказала Нина. – Его ведь не спрашивали! А теперь уже поздно.

– Нинуль, никогда не поздно! И мы же не за себя, мы за дело болеем. Развалится здесь все без Анны Львовны.

– Анна Львовна умерла, и ее больше никогда не будет, – вздохнула Нина, и Настя перепугалась, что она заплачет.

Настя терпеть не могла слез, утешать не умела, чужие страдания считала проявлением слабости и сама никогда не страдала.

– Можно коллективное письмо написать, – быстро предложила она, чтобы отвлечь Нину. – Работники музея против нового директора!. Слушай, а он вчера на поминках так и не появился, да?

– Еще не хватало, – пробормотала Нина и все-таки всхлипнула. – Какие поминки!.. Его и с кладбища нужно было выгнать, не хотелось только при Анне Львовне скандал затевать.

– Странно, что она умерла. Вроде нормально себя чувствовала.

– Ничего не нормально!.. Она каждый день Сперанскому говорила, что у нее сердце не выдержит. И не выдержало!

– Слушай, а может, Сперанский напишет!

– Кому он напишет?

Настя подумала немного.

– Президенту, – выпалила она и округлила глаза. – А что? Сейчас такое время, все пишут президенту!..

– Вот зачем он в тот зал пошел, где все случилось? – И Нина с ненавистью посмотрела в сторону высоких двустворчатых дверей. – Что ему там понадобилось, а? Этот зал вообще надо закрыть на время!

Словно отвечая на это, из «того» зала показался Саша Иванушкин и тихонько, одну за другой, прикрыл обе двери.

Девушки посмотрели друг на друга, и Настя пожала плечами. Нина поднялась, осторожно подошла и приложила ухо к щели двери.

Боголюбов по ту сторону изучал портреты в овальных рамах.

– Может, вам рассказать, чьи это работы? Верхний ряд Неврев, Каменев, затем Корзухин...

Андрей Ильич перебил Сашу:

– Это давняя экспозиция? Или новая?

– Нет, нет, давняя, Андрей Ильич! Тут не все художники наши земляки, конечно, но большинство. Да я могу вам рассказать...

– Здесь ничего не трогали и не меняли?

Александр Иванушкин посмотрел на стену с интересом, как будто проверяя, меняли или нет, и пожал плечами. Он вообще любил пожимать плечами, Боголюбов это заметил.

– Не трогали и не меняли. Анна Львовна тут сама экспозицию составляла, и это было очень давно, насколько я знаю. Еще до меня. А что у вас на шее, Андрей Ильич? Ободрались?..

На шее у него была царапина такого размера, что пришлось раскопать в вещах водолазку, чтобы не сойти за повешенного, который в последнюю секунду сорвался. Боголюбов повел шеей, провел пальцем под воротником, отступил на шаг и еще посмотрел.

Скорее всего, здесь действительно ничего не трогали и не меняли.

...Она стояла вот тут, где сейчас стою я. Возле стены с портретами лениво и неохотно собиралась тянувшаяся с лестницы группа, которой надоело слушать нудную Асю, смотревшую в пол. Впрочем, когда появилась Анна Львовна со свитой, Ася взволновалась так, что у нее нос покраснел. Чего она испугалась? Старого начальства, которое должно было показывать музей новому? Или чего-то еще? Как узнать?..

...Она стояла вот здесь, а мы все были чуть впереди. Нина, Иванушкин и Саутин слева. Я прямо перед ней. Прямо перед ней... Она что-то увидела. Или кого-то!.. Сказала: «Не может быть» – и умерла.

...Слабое сердце, удар – все это возможно. Но накануне в дом старого директора забрался вор. Или не вор, а неизвестно кто, и собака не лаяла. А в день похорон меня чуть не убили в этом прекрасном, ухоженном, дивном провинциальном музее. Как связаны смерть Анны Львовны и все эти события? И вообще, связаны они или нет?..

– Что вы там хотите разглядеть, Андрей Ильич?

– У кого есть ключи от служебного входа?

– В каком смысле?!

Боголюбов вздохнул.

– В прямом. У кого ключи?

Саша пожал плечами.

– У всех. А как же иначе? У нас штат крохотный, вдруг кто заболит или в отпуске? У меня есть ключ, у Нины, у Аси Хромовой. Даже у Василия есть на всякий случай!

– Кто такой Василий?

– Сторож наш! Он же истопник. Вы его еще не видели, он в прошлую пятницу запил... некстати.

– Он алкоголик? И у него есть ключи от музея?!

– Андрей Ильич, поймите правильно! Он хоть и пьющий, но честнейший человек, правда! Кристальный! И у него обязательно должны быть ключи, потому что сигнализация иногда сама по себе

срабатывает, а старый директор про нее вообще забывал! Группа приезжает, и как быть, если у сторожа ключей нет?..

– Не знаю, – буркнул Боголюбов. – Я только знаю, что здесь у вас ценностей на многие миллионы.

– Так у нас охранная сигнализация новейшая!

– Кто имеет право снимать музей с новейшей сигнализации? Только не надо уточнять, в каком смысле!

Саша, как раз собиравшийся уточнить, моргнул.

– Да мы все имеем, Андрей Ильич, – ответил он виновато. – У кого ключи, тот и с сигнализации снимает. Нет, бабушки-смотрительницы права не имеют, конечно, а мы...

– Кто вчера снимал?

Боголюбов был уверен, что сейчас Иванушкин дрогнет и выдаст себя – если знает, конечно!.. – и он поймет, врет Саша или нет. Андрей был уверен, что врет Саша плохо, неумело.

– Вчера похороны были, – сказал Иванушкин. – Здесь не было никого. Никто не снимал.

Боголюбов точно знал, что снимали, да еще как!..

– А почему вы спрашиваете? Похороны, да еще и понедельник, никого здесь не могло быть!

– Это очень просто проверить, – сказал Боголюбов. – Позвонить в охрану, и они скажут.

– Можно и позвонить, – легко согласился Саша, – только не было в музее никого. Все пошли на кладбище, а потом на поминки.

Боголюбов еще посмотрел на стену с портретами, широкими шагами направился к высоким дверям и распахнул их. Нина с той стороны отпрыгнула и чуть не упала.

– Вы вчера не снимали музей с охраны? – вежливо спросил Боголюбов.

Нина с ненавистью смотрела на него.

– Я вчера похоронила любимого учителя и близкого человека, – выпалила она ему в лицо. – И если бы вы не прикатили, она была бы жива и здорова!

– Нина!.. – одернул ее Саша.

– А ты выслуживайся, выслуживайся! Может, к майским праздникам премию выпишут за лизоблюдство!.. И ты еще пару полотен вверх ногами повесишь!

Она повернулась и побежала по белому залу с колоннами. При виде колонн Боголюбова затошнило.

Он поднялся на второй этаж и уставился в окно на клумбу, похожую на бело-голубое облако.

– Извините ее, Андрей Ильич. На самом деле никто не думает, что вы виноваты...

– В каком смысле? – уточнил Боголюбов. – На самом деле все думают, что как раз я виноват! Где картина, которую преподнес Анне Львовне писатель?

– Я не знаю, – ответил Саша с изумлением. – Должно быть, у нее дома.

– Я хочу взглянуть на портрет.

– Зачем?!

Боголюбов усмехнулся.

– Из эстетического интереса, Саша! Это можно устроить?

– Не знаю, Андрей Ильич. Анна Львовна жила одна, пока сын не приедет, к ней в дом заходить нельзя, наверное...

– У вас есть ключи? Или у кого они есть? У всех, как водится?..

– У меня нет, – твердо сказал Саша. – Может быть, у Нины или у Алексея Степановича! А у меня нет.

– Кто такой Алексей Степанович?

– Сперанский, писатель!

– Да, да, – согласился Боголюбов, глядя в окно. – Знаменитый, я вспомнил.

Длинная черная тень прочертила клумбу с первоцветами, мрачная фигура выступила на свет. Боголюбов сорвался с места и побежал по лестнице вниз, чуть не падая на ковровой дорожке.

– Андрей Ильич, вы куда?!

Боголюбов выскочил на площадь перед музеем, зажмурился от солнца и вбежал в распахнутые чугунные ворота. Убогая – как же ее зовут?! – неторопливо обходила цветочное облако.

– Пойдите!

Она оглянулась и остановилась. Боголюбов подбежал. От резких движений колотило в висках, и голова как будто опять немного треснула.

– Как вы вчера сюда попали? Я видел вас в окно! Ворота были закрыты, калитка тоже! Как вы прошли?

Убогая постояла немного и двинулась дальше. Боголюбов схватил ее за руку.

– Вы не понимаете меня? Как вы вчера здесь оказались?

– Андрей Ильич, – выговорил подбежавший Саша, – что случилось?

– Вот это, – убогая нагнулась и потрогала нежные лепестки, – мышинные слезы. А это крокусы. Кудрявчики – гиацинты. Беленькие – подснежники. А тюльпанов еще нет. Тюльпаны только пролезают.

– Я вчера вас здесь видел. Как вы попали в парк?..

– Уезжай, – равнодушно сказала убогая. – Может, еще успеешь.

И скорой походкой двинулась в сторону темневших на ярком солнце деревьев. Боголюбов двинулся было за ней, но Саша его удержал.

– Что вы, Андрей Ильич? Она не в себе!

– Насколько не в себе? Вчера она здесь разгуливала, а ворота и калитка были заперты! С той стороны бетонный забор с колючкой, а с другой лес и речка! Как она попала в парк?

– С чего вы взяли, что она попала!

– Я ее видел! Из окна, как сегодня!

– Вы вчера были в музее? Как вы вошли?

– Дверь была открыта! – заорал Боголюбов. – Служебный вход!.. Я зашел, а эта Евпраксия разгуливала по парку!

– Ефросинья, – машинально поправил Саша. – Это совершенно невозможно. Каждую весну Анна Львовна...

При упоминании этого имени Боголюбов застонал, а Саша продолжал с недоумением:

– ...непрерывно нанимает людей, чтобы обошли забор и заделали все дыры. Так повелось с тех пор, как туристы костер разложили и несколько деревьев погибло, они сгорели. Столетние липы! Музей в пять закрывается, сторож обходит парк, всех просит на выход, и так до утра. В выходные парк закрыт, Андрей Ильич.

Тут он посмотрел на Боголюбова как-то жалостливо и придвинулся поближе:

– Может, вам... показалось просто? Вы когда возле решетки гуляли, во сколько?

– Я не гулял, – выговорил Боголюбов сквозь зубы. – Я видел эту вашу Ефросинью со второго этажа из окна. Это она гуляла по парку!..

Саша засмеялся.

– Ну нет, это невозможно.

Тут Боголюбов вдруг сообразил.

Он вернулся к служебному входу, прошел коридорчик с лестницей, толкнул противоположную дверь и оказался во внутреннем дворе почти перед клумбой.

...Вот так она и зашла. Она просто открыла двери. Видимо, тот, кто ударил меня по голове и чуть не убил, тоже был на улице. По крайней мере в помещении его не было! Он вернулся, застал меня в директорском кабинете и ударил. Или это она ударила, убогая Ефросинья? Боголюбов огляделся, как бестолковая охотничья собака, потерявшая дичь. Следы? Какие здесь могут быть следы?!

Он ворвался в помещение и нос к носу столкнулся с Иванушкиным.

– Я вчера пришел сюда, – сказал он Саше. – Эта дверь была открыта, а ту я не проверял. Я поднялся на второй этаж. Директорский кабинет тоже был открыт.

– Как?!

Боголюбов взбежал по ступеням и вошел в кабинет. Там ничего не изменилось, только не было на столе белого кувшина

с первоцветами. Папки с тесемками по-прежнему лежали в несгораемом шкафу. Боголюбов вытащил папки.

– Весь архив у меня в том кабинете, – сообщил Саша, вошедший следом, и махнул рукой куда-то в сторону. – Анна Львовна отдала, когда стала собираться. Какие-то незначительные бумаги у нее остались. Вы личные дела будете изучать? Я принесу.

Но Боголюбову было не до личных дел сотрудников. Он быстро перебирал папки.

Папка с надписью «Ремонт», папка с надписью «Личные дела»... Фанера первой категории!.. Зеленая папка, которую он едва успел открыть, исчезла!

– А зеленая? – беспомощно спросил он у Саши. – Здесь совершенно точно была еще одна, зеленая!..

Саша посмотрел на него и пожал плечами, но спрашивать «в каком смысле?» не стал.

Боголюбов сел в неудобное жесткое кресло с высокой спинкой и еще раз переложил туда-сюда папки.

– Мне нужно увидеть картину, которую подарили Анне Львовне, – сказал он наконец. – Устройте мне это.

– Да я даже не знаю...

– В каких отношениях она была с покойным директором?

Саша немного приободрился. Похоже, за последние полчаса он из нейтральной полосы значительно продвинулся в сторону противника, вот-вот окажется по другую линию фронта!.. Уж очень странно ведет себя новый начальник. Странно и подозрительно.

– Анна Львовна со всеми умела ладить, – сказал Саша и пристроился напротив. На этом стуле сидел Боголюбов, когда его ударили по голове. – И с директором она ладила прекрасно! Он ее уважал и с ней считался.

– Он признавал за ней первенство во всех вопросах?

– В каком смысле?

...Опять, что ты будешь делать?!

– Анна Львовна устраивала выставки, принимала иностранцев, гостей из Москвы и была лучом света в темном царстве, – неприятным тоном перечислил Боголюбов. – С ней все дружили, ее все любили. О том, что в музее до последнего времени был директор, никто и не вспоминал! И его такое положение устраивало?

– Наверное, – ответил Саша. – Я как-то не задумывался.

...Ты врешь, холодно подумал Боголюбов, вот сейчас совершенно точно врешь. Зачем? Что я такого спросил?

– Чем он занимался при ней?

– Да я как-то даже... и не знаю. Он научные работы, кажется, писал. В специализированные журналы. Рисованием увлекался, у него мастерская дома была и телескоп. Телескоп потом родственники забрали. У него дочь взрослая и внуки. В Ярославле живут.

– То есть он отдыхал, Анна Львовна трудилась, и это всех устраивало?

– Похоже на правду. Нет, он ее любил! Ее все любили! Он всегда с ней советовался, никаких серьезных решений без нее не принимал...

...Он принял одно очень серьезное решение, подумал Боголюбов. И ни словом не обмолвился о нем Анне Львовне.

– Если приезжало московское начальство, он старался на Анну Львовну все переложить, да она никогда и не возражала. Так всем было удобнее!.. Она в курсе дела была, а он... не очень. Он отпуск всегда полный брал, и академический тоже. Ему ведь академический отпуск полагался! И получалось, что его месяца по три на службе не бывало.

– Где он был? На курорте?

– Ну что вы, Андрей Ильич! Это из Москвы все повально на курорты едут, там у вас жизнь уж очень утомительная, устаете сильно. А здесь все попроще. Сады да озера. Все на месте отдыхают, так сказать, в родных пенатах.

– Директор в пенатах отдыхал по три месяца?

– Ну конечно! Он рыбак был знатный, с Модестом Петровичем на пару, грибы-ягоды тоже любил собирать. Варенье варил самое лучшее в городе. Да у вас в подполе земляничное осталось, родственники не стали забирать, я вам достану. Сока яблочного полно, у нас тут сады...

– Я варенья не ем.

– Если что-то надо подписать или еще какое-то срочное дело, к нему на дом бумаги приносили, ну и все. Анна Львовна прекрасно руководила, а он во всем ее поддерживал.

...Не во всем, подумал Андрей Ильич. По всей видимости, старый директор тоже врал, только вот непонятно когда. Когда во всем соглашался с Анной Львовной или уже потом?..

– Что держали в зеленой папке? Здесь вчера была зеленая папка, довольно увесистая, я ее видел своими глазами. Какие в ней хранились бумаги?

Саша виновато пожал плечами – он не знал.

В распахнутую дверь постучали костяшкой согнутого пальца, и на пороге появилась Настя Морозова, вид постный.

– Извините, пожалуйста. Саша, Нина хочет домой уйти и просит, чтобы ты подошел.

– Он подойдет, когда я его отпущу, – отрезал Андрей Ильич. – Сейчас мы заняты.

Настя моментально скрылась.

– Зря вы так, Андрей Ильич. Все нервничают и беспокоятся...

– Я тоже нервничаю, – заявил Боголюбов. – И беспокоюсь!.. Где ваш кабинет, куда перенесли весь архив? Проводите меня!

Сашин кабинет, заваленный бумагами, оказался за стеной. Папки, конверты, кипы и кучи бумаг громоздились на столе, на подоконниках и стульях. Боголюбов огляделся. На поиски зеленой папки уйдет месяц, не меньше!.. Впрочем, если ее вчера забрал Саша, ударив Боголюбова по голове, вряд ли она найдется в его собственном кабинете!

Андрей Ильич присел на корточки перед одним из стульев и стал безнадежно переключать картонки. От них летела пыль и хотелось чихать.

– Давайте я тоже поищу, – предложил Саша. – Только вы мне скажите, что именно.

– Зеленую старомодную картонную папку с тесемками! В ней были какие-то документы, очень много.

Саша сунул ему под нос одну.

– Не эта?

На папке было выведено «Боровиковский, даты и факты». Боголюбов оттолкнул ее рукой и сел на пол, спиной к стене. В голове у него гудело.

– Давайте отложим зеленые и потом их посмотрим как следует, Андрей Ильич. Так, наверное, быстрее будет...

– Александр Игоревич, я ухожу домой, – объявила с порога Нина. – Я очень плохо себя чувствую. Если понадобится больничный, я вам его предоставлю.

Боголюбов рылся в папках и никак не отреагировал. Иванушкин покосился на него.

– Ну-у-у, – протянул Саша, – иди, конечно, Нин. И не придумывай ты ничего. Не нужны мне никакие больничные...

– Нет, все должно быть по правилам, – отчеканила Нина. – Отныне и навсегда.

– Хорошо бы, – под нос себе пробормотал Боголюбов. – Хорошо, если отныне и навсегда все будет по правилам.

– Я не буду с вами работать, – заявила Нина. – Я хочу уважать себя. Я все равно не смогу выполнять ваши... ценные указания. У меня свои правила и представления. Мне их привила Анна Львовна, и я...

Боголюбов отложил папки и потянул на колени следующую кипу.

– Да вы не трудитесь так-то уж, – сказал он, поднял голову и поморщился, так стало больно в затылке. – Я зафиксировал, что вы меня ненавидите, работать со мной не желаете, будете жить по

своим правилам. Окружающие тоже зафиксировали, и достаточно. Вы переигрываете!.. Или у вас в сценарии так написано: девушка Нина отвлекает нового директора своей жгучей ненавистью? Если так, от чего вы меня отвлекаете?

Нина вдруг залилась краской так, что даже уши загорелись, тяжело задышала и выскочила из кабинета. Иванушкин проводил ее взглядом.

– Не нужно сейчас у меня спрашивать, в каком смысле она переигрывает. – Боголюбов не дал Саше рта раскрыть. – Вы же не идиот!.. Она устраивает показательные выступления с самой первой минуты, как мы встретились в «Монпансье» у Модеста. Это видно невооруженным глазом. Она действует согласно сценарию. Кто автор сценария? Ну?..

Саша поднял брови и неловко почесал шею под тесным воротником клетчатой рубашки. Боголюбов мог дать на отсечение свою больную голову, что ему вдруг стало весело. Что такое?..

– А может, она на самом деле... вас ненавидит?

Боголюбов поморщился, перебирая папки:

– Бросьте. Вы все участвуете в заговоре, это очевидно. Каждому определены роли. Ты тихой сапой втираешься ко мне в доверие. Нина каждую минуту заявляет, что она меня ненавидит. Настя Морозова пытается поставить меня в неловкое положение, и желательно публично. Про остальных я пока не понял. Я спрашиваю: сценарий чей?

– Не мой, – быстро ответил Саша.

– Но сценарий есть, – подытожил Боголюбов, и Иванушкин промолчал.

Боголюбов, привыкший действовать методично и со слоновьим упорством, перебрал все папки до единой и, конечно, не нашел той, пропавшей из директорского кабинета, зато, ползая по полу между бумажными завалами, оказался прямо перед мусорной корзиной, стыдливо задвинутой в самый угол.

В корзине лежал привядший букет первоцветов. Этот букет стоял на столе у директрисы, когда Андрей Ильич вчера зашел в ее кабинет.

Выходит, Саша забрал его и выбросил? Интересно, зачем?..

Знаменитый писатель А. С. Сперанский жил на окраине города в старинном особнячке.

Это был именно особнячок с тремя деревянными колоннами, поддерживающими портик, закругленными ступенями широкого крыльца – по обе стороны круглые, чуть взявшиеся зеленеть кусты. На первый взгляд Боголюбов оценил дату постройки примерно началом двадцатого века. Все окрестные дома были самыми обыкновенными, деревенскими, не слишком ухоженными. За заборами брехали и звенели цепями собаки.

Андрей Ильич взошел на крыльцо и постучал в часто переплетенную раму стеклянной двери.

Довольно долго ничего не происходило, и Боголюбов решил, что писателя дома нет. Саша Иванушкин отговаривал его от неурочного визита, утверждал, будто писатель этого не любит, просто терпеть не может, и сопровождать Андрея Ильича наотрез отказался.

Он еще раз постучал, посильнее, и даже подергал хлипкую дверь.

...Должно быть, в этом городе на самом деле не происходит ничего криминального – дверца, как в сказке, сама и откроется, если на нее поднажать хорошенько. И впрямь, должно быть, хулиганствующие элементы всем скопом отбыли в Москву!.. Саша сказал, что им там веселее и простору больше.

– Что вам нужно? – так неожиданно и громко спросили из-за двери, что Боголюбов, собиравшийся уходить, вздрогнул в изумлении.

– Алексей Степанович, я на минутку! Это Андрей Ильич, новый директор музея!..

– Я вас не звал.

– Ничего страшного! – прокричал Боголюбов жизнерадостно. – Я без приглашения явился!..

За дверью подумали.

– Работать не даете, ей-богу...

И дверь распахнулась.

Почему-то Боголюбов был уверен, что писатель Сперанский встретит его в халате с кистями и персидских туфлях. Лицо, представлялось Боголюбову, непременно желтое и отечное, под глазами мешки, перегаром несет так, что рядом стоять нельзя, – по идее, писатель должен в данный момент заливать горе.

Алексей Степанович был в джинсах и футболке, довольно мрачен, но абсолютно свеж, ни перегара, ни мешков, ни даже персидских туфель.

– Проходите. Вон направо, в столовую.

– Да я ненадолго, – неизвестно зачем промямлил Андрей Ильич.

В тесной и темной передней стояли старинная вешалка с перекладиной – за перекладину предполагалось засовывать полы шуб и пальто, чтобы не торчали, – полосатая кушетка и табурет, о который Андрей Ильич немедленно споткнулся. Табурет загрохотал.

В столовой, выходявшей окнами в сад, было светлее. Стены сплошь увешаны картинами, на удивление однообразными, и, пожалуй, Андрей Ильич даже узнал руку художника.

– У вас дело или просто визит вежливости? – спросил Сперанский нетерпеливо. – Если визит, прошу меня извинить, я не готов.

И оглянулся на распахнутую дверь, за которой виднелся письменный стол, заваленный какими-то бумагами. На самом деле работает, что ли?..

– Алексей Степанович, – начал Боголюбов проникновенно, – не сердитесь на меня. Я устал уже – все на меня сердятся!

Сперанский криво усмехнулся.

– Я бы хотел взглянуть на картину, которую вы в пятницу преподнесли Анне Львовне. Как мне это сделать?..

– Зачем вам?

К этому вопросу Андрей Ильич подготовился заранее:

– Я у вас человек новый. Приехал надолго и с совершенно определенной целью.

– Какой же?

Боголюбов развел руками:

– Как?.. Возглавить музей и способствовать его, так сказать, процветанию.

Сперанский кивнул, принимая его объяснение.

...Я тебе не верю, не надейся, вот что означал его кивок, но правду ты все равно не скажешь, так что сделаем вид, будто так оно и есть.

– Я раньше никогда не бывал в ваших краях, местной специфики не знаю. Анна Львовна собирала картины вашего отца, так ведь? Ценила их и восхищалась ими. А я ничего не знаю о таком художнике! Мне бы хотелось изучить, понять его творчество. Он же здесь работал, в городе?..

Сперанский оценивающе посмотрел на Боголюбова. Андрей Ильич сомневался, не переигрывает ли на манер девушки Нины или то, что он говорит, звучит убедительно, сценического опыта у него не было никакого. На всякий случай он улыбнулся Сперанскому и попросил кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ТАТЬЯНА Устинова

первая среди лучших

Чудны дела
твои, Господи!

